

АПРИОРИ LIFE

• КОГДА БИЗНЕС, КАК ЖИЗНЬ •

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛАРИСА БУТЫРИНА

18+

Лариса Бутырина

Априори Life 2

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Бутырина Л.

Априори Life 2 / Л. Бутырина — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-99032-6

Когда достигнутое дарует мнимую вседозволенность. Когда прошлое опутывает и заставляет спасаться бегством. Когда предательство убивает остатки веры в искренность, а чувство потерянности вынуждает снова вернуться к исходному... тогда-то и открывается второе дыхание к жизни. Во все времена находятся те, кто требуют от себя и от мира большего. Те, кто всей своей сущностью не приемлют любые проявления примитивности, глупости и грубости. Даже в самом себе. И будучи снова загнанными в угол, задыхаясь от пустоты и безысходности, все же находят в себе силы и... выбирают жизнь. Априори Life 2. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99032-6

© Бутырина Л., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лариса Бутырина

Априори Life 2

Все события едва ли основаны на реальных событиях; в основу образов с малой вероятностью заложены реальные люди; любые аналогии названий, аббревиатур и мест с действительными, случайные совпадения.

Глава 1

Ира несвойственными ей широкими шагами отмеряла потрескавшийся асфальт узкого тротуара. Редкие фонари рывками выхватывали искаженный силуэт и бросали его на стены эхом отражающего присутствие. Она яростно втыкала тонкие каблучки босоножек и рывками откидывала непослушные пряди волос с лица. Ее переполняла злость и обида, разочарование и горечь, но большую часть в этом сладком коктейле занимало непреодолимое желание съездить этой мерзкой твари по физиономии. По его наглой и скользкой физиономии, так умело сумевшую усыпить ее бдительность.

Ириной была особа двадцати шести лет. В меру строптивая, порой чересчур категоричная, четко знающая, чего хочет от жизни и каким путями туда прийти, двумя вышками за плечами и музыкальной школой по классу контрабас. Ее успехи дизайнера в развивающейся полиграфической компании и непримиримое отстранение от мужчин сулили ей блестящую карьеру, но сегодня она сделала исключение...

Марат оказался очередной свиньей. Тонко и ненавязчиво он вклинился в ее плотные будни и воспользовался чистой девичьей наивностью, пусть и старательно прикрытой под маской неприступности, чем только укрепил незыблемое разочарование в мужском населении. Привыкшая к собственной правоте юная особа не сумела, да и не пыталась учиться контролировать эмоции. И когда что-то шло супротив ее четко спланированной последовательности, она злилась; когда что-то позволяло себе развиваться не по ветви ее представления, она приходила в бешенство; когда же это что-то выходило за рамки ее здравого суждения, ей обуревала ярость. Сейчас был именно третий случай...

На улице уже никого не было. Половина второго ночи в разгар рабочей недели не предполагало оживленности городских переулков, лишь редкие автомобили полуночных трудоголиков лениво ползли на сонных проезжих частях.

Ирина свернула в переулок. Низкие здания понуро жались друг к другу, составляя узкий проход, с проемами для мусорных контейнеров и покосившимися козырьками подъездов. На освещении внутреннего убранства города правительство, как правило, экономило, и, сгустившийся мрак разбивали, разве что, редкие еще горящие окна не знающих отдыха москвичей. Не хватало только надрывного скрежета проржавевших петель качающейся на ветру перекошенной двери и мечущихся вдоль строений отожравшихся крыс для идеальных декораций типичного триллера. Впрочем, как и щуплой блондинки, старательно трясущейся то ли от страха, то ли от недоедания перед квадратной глазницей кинокамеры.

Ира не тряслась. Более того, не боялась, – не было возможности. Ярость пульсировала слишком сильно и настойчиво, чтоб испытывать, хоть какие-то эмоции помимо.

Переход. Нет, не парадная часть к пасти подземки, а узкий плиточный туннель с массивными колоннами, разделяющими его ровно напополам. Такие туннели обычно используют вместо мостов для переправ через железнодорожные пути, ну и в качестве временного крова для лиц без пмж в холодные периоды года. Ирина всегда испытывала отвращение к подобным социальным слоям и присущему им запаху затхлости человеческих испражнениях, поэтому ускорила и без того быстрый шаг, желая, как можно скорее преодолеть возможное столкновение. Новые набойки с удвоенной силой впивались в грязную поверхность пола, эхом отскакивали от плиточных стен и гулко отгоняли жуткие впечатления от мало приятного места. Они лихо обрывая куски разыгравшегося воображения, минувшую злость, отчаяние и обиду и... бесшумные шаги в мягкой обуви, стремительно следующие за ней.

Зябкая дрожь метнулась вдруг по позвоночнику. Мгновенно. За секунду до того, как мощная рука рывком развернула ее за плечо и с силой вдавила в стену, зажав ей ладонью рот. Нежданная встреча затылка с замызанной плиткой резво отозвалась болью. Сумка глухо

шлепнулась на пол, высыпая наружу содержимое, а перед глазами вдруг возникло чужое лицо. Чужое и абсолютно безразличное к твоей жизни. Только два болта пустых впадин, неотрывно смотрящих сквозь тебя, и шершавая ладонь, ползущая вверх по внешней стороне бедра. Ира попыталась рыпнуться и оттолкнуться руками от громоздкого тела, за что получила еще более внушительное уплотнение в стену. Боль накатила новой волной, и реальность происходящего становилась все более зыбкой. Происходящее выглядело объемным изображением с незамысловатым сюжетом и отличнейшей графикой, и казалось, что вот сейчас, буквально через секунду появится подтянутый красавчик, и одним движением спасет ее честь, отключив неудачливого насильника. Ну, или хотя бы усатый дядечка с обозначившимся от избытка творческой работы животиком, в неизменной кепке и на продавленном стуле с кривой надписью на спинке «режиссер», надрывно крикнет в граммофон: «Стоп. Снято!», и суетливая кучка визажистов тут же бросится поправлять ей макияж...

Но никто не появлялся. Никто не кричал и не размахивал пушистой кисточкой по ее щекам пудру. Лишь едва заметная тень мелькнула за опорными колоннами, прежде чем нечто огромное больше человеческого роста не сбило ее обидчика собственной массой. Картинка заметалась. Освобожденная Ирина медленно сползла вдоль шершавой стены и четвереньками встретила пол. Взгляд упал на мохнатую тварь слишком большую для известных ей собак, слишком мощной спиной закрывшую ей обзор. И хруст. Хруст похожий на звук ломающейся ветки под тяжестью веса. Хруст ломающихся хрящей. А за ним, – конвульсивно дергающаяся кисть придавленного человека, чавкающие звуки объяснили ей причину таких рефлекторных движений, и, как будто подтверждая ее догадки, зверь обернулся.

Сгустки жидкости вязкими каплями свисали со свалывшейся шерсти подбородка, придавая скорее нелепый, чем зловещий вид не агрессивному с виду животному. Оно неподвижно смотрело на нее, будто бы изучая, склонив голову на левый бок. Затем медленно и решительно подошло так и стоящей на четвереньках Ирине. Запах крови резко ударил в мозг. Она заглянула ему в глаза. Глаза. Два карих почти черных зрачка беспредельно глубоких в миндалевидной впадине глазниц. Настолько правильной, будто кто-то осознано умелой рукой вырисовывал их на лощеной шерсти. Необычайно глубокие и такие затягивающие, что испуг был бесцеремонно выдавлен за рамки чувствительности. «Таких глаз не бывает», – думалось ей. «Не бывает у обычных животных, пусть и значительно нарушающих физиологию естественных размеров».

Зверь подступил вплотную. Прерывистое дыхание резко коснулось ее покрытого от волнения испариной лица. Он не отпускал ее взгляда. Он будто приковал его к себе. Но тут она допустила ошибку. Взгляд произвольно скользнул в сторону месива, которое совсем недавно пыталось сделать ей больно. Глупо. Как же глупо...

Ирину затошнило. Желудок делал отчаянные попытки освободиться от увиденного, сотрясая судорогой все тело. Она опустила свинцовую голову, стараясь глубоко дышать. Мир закружился, переливаясь разводами крови на грязном полу, пока зубастая пасть не в оскале – в ухмылке не сомкнулась на ее горле. Последнее, что она увидела, было выжженное на замызганном потолке перехода корявыми буквами слово «зачем?»

*

Вчера я проснулся с чувством жуткого голода. Внутренности сжимались в комок, а мысли крутились исключительно в области желудка. Такие моменты всерьез подвергали сомнению, на чьей стороне все же прерогатива управления всем организмом, больше и больше в последнее время, признавая деспотизм пищеварительной системы.

На улице висел типичный июньский день, вернее его завершение. Полуденная жара постепенно стихала, уступая место густой духоте. Кухонные часы выдавали начало седьмого. Я

почти всегда встаю в такое время, – утренние часы слишком суетливые, слишком слепящие и, слишком бездействующие для меня, хотя я ничего не имею против прямого солнечного света.

Я распахнул окно и вышел на лоджию. Текучий воздух лениво проник в мою обитель. Я глубоко наполнил им легкие. «Сегодня насыщенный день. Надо поесть...»

Вслед за сумраком я вышел на улицу. Бесцельно бродя по измученным жарой улицам, я встречал темноту. Голод усиливался. После полуночи, когда вариации ужина значительно сузились, я увидел ее. Невысокая шатенка с плавными формами и явными признаками сидячей работы. Удлиненные шорты с завышенной талией в меру свободные и плотные, чуть сутулая спина и быстрый шаг, слишком уж быстрый для уставшей походки после отработанных сверхурочных.

Я двинулся за ней, с каждой секундой сокращая расстояние между нами, но не приближаясь вплотную, – промежуток в двадцать шагов для меня был ничем, она же не замечала. Я следовал за ней, изучая, не скажу, что без удовольствия, тыльную ее сторону и мысленно дорисовывая, как обстоят дела спереди.

Она свернула во двор. «Хм, рыбка в сеть плывет сама».

Я выждал минуту и неслышно повернул за ней. Но меня опередили. Кислый запах пота ударил мне в нос, и угловатая тень шмыгнула из подворотни. Сгорбленная и суетливая она нервными прыжками последовала за девушкой. «Какого черта, приятель? Тебя здесь не ждали...». Я укрылся за выступом здания, мысленно прокручивая дальнейшее развитие событий. Выводы несколько омрачали мой вечер. Мне нужно время.

Двор уводил на узкую улицу, прерывающуюся через несколько метров подземным переходом. Она спускалась туда. Теперь я уловил ее страх. Тонкий солоноватый ноткой он шлейфом вился за ней, смешиваясь с окружающими запахами все активнее. Серая тень шмыгнула за ней. Медлить больше не было смысла. Я побежал. В движении меньше ощущается трансформация. Влетая в туннель, я застал ожидаемое, – безликая фигура по-свойски орудовала девушкой. Мне достаточно было пары секунд, чтоб сбить его с ног, еще пары, чтоб раздрать ему горло.

Острое амбре страха резануло мне обоняние. Я обернулся. Девушка сидела на четвереньках, выставив на меня свои ошалевшие глаза. «Миленькая... если б еще не губы, искривленные в маске ужаса, так вообще...»

Я подошел к ней почти вплотную. Дикая смесь остатков парфюма и взбесившихся гормонов будоражила обоняние. Она не отводила взгляд. Наоборот, всматривалась в меня, будто пытаюсь что-то найти. «А ведь это даже забавно...». Но тут она посмотрела чуть правее, – за меня. И природный позыв скрутил ее вдвое.

«Да, милая, ты права, – двоих мне будет много. Но свидетелей я не оставляю...».

Ее горло было слишком близко...

Поднимаясь из перехода с приятной тяжестью внутри, я лениво осматривал местность. Что ж... теперь можно заняться общественно полезным трудом. Вытянута рука, таксующая «десятка» и курс на Маросейка, 16.

Ах да, забыл представиться. Максим. Двадцать три года. Оборотень.

– Они даже имя менять не стали? – я придвинулась к нему еще ближе, насколько мог позволить бархатный подлокотник. – Распространенная нынче режиссёрская находка...

– На этот раз, чистое совпадение, – Макс улыбнулся, сжимая чуть сильнее и без того крепкую сцепку из наших пальцев и едва заметно прикоснулся губами к виску. – Сценарий был расписан еще задолго до того, как меня утвердили на роль. До этого на нее пробовался другой персонаж, – профессиональный актер, надо отметить.

– А ты, выходит, непрофессиональный? – я усмехнулась, обращаясь к нему взглядом.

– Ну, люди годами в театральные горбатятся, чтоб хоть получить мало-мальски приметную роль, – проговорил он практически мне в ухо, обжигая дыханием прядь непослушных волос. – У меня же и мысли «играть» никогда не было, а тут – на тебе! Полный метр и выскочка-дилетант.

– У нас это называется – талант от природы, – улыбнулась я, вновь поднимая глаза на мерцающий экран.

– Природный талант, – хорошо тренируемая мышца.

А жизнь, как известно, тренер бескомпромиссный...

*

– Я никогда не забуду изумления во взгляде того маленького жалкого рекламщика мужского интернет журнала, встретившего меня однажды утром на съемочной площадке, в сопровождении режиссера, – делился со мной Макс, задолго после шумной премьеры очередного шедевра Ковальчука и скандального дебюта в нем никому неизвестного на тогда еще юноши. Юноша с того момента весьма повзрослел, обзавелся известностью, парой собственных компаний и местом в списке Forbes у самого моего сердца. Однако воспоминания дня той судьбоносной премьеры возможно стереть теперь, разве что, с памятью...

– Он надменно тогда отказался принять мою статью под предлогом, что у меня "нет имени", а теперь он был готов расстелиться ковриком, лишь бы я только снизошел узнать его. Я по глазам его это прочел, и прошел мимо, слушая и смеясь над чрезвычайной нелепостью, которую мне пересказывал режиссер и мой в будущем хороший друг. Случай был незначительный, я бы даже сказал ничтожный, но он привел меня тогда в хорошее настроение и подтвердил одну ясную мысль, что главным удовольствием, которое может давать известность, – это сила возврата с мстительными процентами за все презрение и оскорбления, с которыми встречалась каждая моя попытка продвижения проекта во времена моего начинания.

Случаи с тех пор были разные, проценты выплачивались регулярно, а начинания поднимались громко и с размахом. Откупоривание бутылок шампанского, звон стаканов, громкий гул разговоров, перемешанных со смехом лжи и лицемерия, подобно обезьяньему визгу или лошадиному ржанию, сопровождали каждый подобный триумф.

«Как долго может держаться "новая звезда первой величины" на небе кинематографа?» – пестрели заголовки глянцевого издания. «Все это падучие звезды! Как говорится в старой, забытой песне Беранже: "Звезды, которые падают, падают – падают и исчезают!"

Но эта не падала. Продолжала светить, лишь набирая свое сияние и все сильнее затмевая собой шум зависти и нищесбродства. А потом в ход пошла желтая пресса. Ведь нет ни одного «спорта», который бы критики так ни любили, как издевки над личностью, поимевшей неосторожность разговаривать на равных с теми, кто стоит ниже в умственном отношении. Но, что больше всего оскорбляло меня в его лице, это бесчисленное количество его друзей, которые были не столько друзья, сколько друзья его доходов. Они кишели повсюду, они не давали ему прохода, а себе – труда спросить его о прежней его жизни. Кто он такой или откуда он, – для них это не имеет важности. Они не интересуются, ни как он живет, ни что делает, болен ли, здоров, счастлив или нет. Для них решительно все равно. И, несмотря на это, они с каждым разом все изобретательнее старались превзойти друг друга ценностью или абсолютным безвкусием своего присутствия в наших жизнях.

– Рекламщики, как и журналисты – тоже люди, – пожимала я тогда обнаженными плечами, чувствуя его нарастающую озлобленность и горячую ладонь в области своей талии, крепко обозначающую мое присутствие и полную его принадлежность этой ладони.

– Работа у них такая, – продолжала я в его сторону, перемешивая слова со скользкими улыбками, то и дело слепла от вспышек фотокамер, и нарочно старательно шуршала струящимся в пол платьем после дежурного интервью на фоне премьерного пресс волл.

– Не стоит реагировать на провокации. Они – всего лишь проводники между идеей и публикой. Твоей идеей. Нашей. Поэтому ты не обязан отвечать на все их вопросы, – выбирай наиболее приятные и выгодные, и уклоняйся, если будет возвращать к предложенной теме. Второй раз – повторять вряд ли станут. Но главное не надо ссориться, как бы ни раздражали. Масс-медиа всегда сильнее, – именно в ее руках мощнейшее оружие по уничтожению репутации и создания имиджа.

Имидж ему создали безупречный. Репутация же скрипела как накрахмаленная рубашка, то и дело, уклоняясь от «пятен». Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не пускал ее под обстрел жидкой грязью или другими сложно выводимыми пигментами. Оракул прессы стонал, извивался, цеплялся. Он изощрялся, как только мог, лишь бы выбить жертву из морального и публичного равновесия. В ход шли все известные блядские способы – от бескультурно кустарного монтажа фото- и видеопродукции до обсуждения задней достопримечательности его спутницы с явным преувеличением существующей действительности. Это льстило в какой-то мере. В конце концов, пусть попа в женщине и не главное, однако именно она, по словам моего фитнес тренера, является центром, а от ее габаритов уже напрямую зависит устойчивость. И чем стабильнее она у обладательницы, чем сложнее с моральной у окружающих. Вот и приходилось отдавать на растерзание пытливым глазам общественности те или иные выступающие части своего тела как объект обсуждения, чтобы снять на какое-то время внимание от упомянутого выше актерского дарования. Умение вести себя сообразно обстановке, как известно, очень важный навык позиционирования. Нужно всегда уважать то место, где находишься, даже если это место – последнее в списке желаемых к посещению.

«Обстановка» прилагала все старания уличить и спровоцировать. Мне же не составляло сложности вести себя отстраненно подобно большинству. Демонстрировать томную скуку, ничем подлинно не интересоваться и лишь вовремя выставлять папарацци те или иные доминирующие факторы: грудь или губы. Тоже, кстати, не главное и не лучшее. Просто женская грудь ждёт от зрителя точной и убедительной реакции, а губы лишь подготавливают к ней.

Реакций было много. И всякий раз, просматривая отчеты, я уверяла себя, что слишком серьезно и резко воспринимаю проделки общества. А это непрактично. То, что ты показываешь окружающим – совсем не обязательно чувствовать, в самом-то деле. Ведь можно выглядеть подобающим образом, ездить на нужной машине, вести определенный образ жизни, искренне веря, что тогда вас будут любить, ценить и считать успешными людьми. Можно тоннами жрать косметику, в надежде хоть как-то украсить свой внутренний мир, и совершенно спокойно воспринимать свое порнографическое участие как дорогу к славе, богатству и счастью, где все самые смелые мечты сводятся к пластической хирургии, липосакции и сумочкам от Луи Вюиттона. И ежедневно увеличивать дозу вакцинации в мозг разговорами и обсуждениями спившихся кинозвезд в смирительных рубашках и со следами от уколов на руках. Хотя даже их я, скорее, пойму больше: чтобы воспринимать всю эту «роскошь» и не сойти с ума, нужно быть либо блаженным идиотом, либо жестким циником. А это опасная грань, баланс на которой мне приходилось сейчас сохранять.

Я часто задумывалась, глядя на содержанок, кишаших на подобного рода мероприятиях в безвкусовых, но дорогих нарядах с надменными взорами на менее удачливых соплеменниц, – трудно ли так сильно зависеть от других? У них есть полные «соц. пакеты» в распахнутых на «трудовых мозолях» пиджаках, у пиджаков взамен есть иллюзия красоты в их лицах и в одной постели. А еще у них у всех есть пустота. Одна на всех. Безграничная. Она – у них в глазах. Потому что вся эта мнимая роскошь, весь этот навязанный и с радостью принятый быт – на

деле лишь высокомерный фактор ограниченных способностей. Никакая это не роскошь. Это максимум комфорт, господа. И вы понятия не имеете о подлинной роскоши, если считаете, что деньгами решается все. Роскошь, которую я защищаю, не имеет никакого отношения к деньгам. Ее невозможно купить. Она – награда тем, кто однажды не побоялся дискомфорта.

Я даже представить не мог, настолько нелепо она может выглядеть в этом защитном скафандре большим ей как минимум размера на два. Закатанные вдвое штанины и рукава придавали ей явный вид ребенка, потерявшегося в отцовском костюме.

– И ты хочешь, чтобы я в этом ездил, – донеслось из глубины шлема.

Я не удержался и прыснул смехом. Вспышка приглушенного хохота тут же ответила мне эхом.

– Это самый маленький. На гномиков костюмов не имеем, уж прости.

– Нда... – съерничала она и демонстративно почесала макушку шлема. – Тогда хоть веревку принеси – я обвяжусь, а каску все-таки глянь поменьше, эта мне весь обзор закрывает....

– Шлем, Ника, шлем.

Я вернулся в гараж.

Если мне не изменяла память, то меньший размер мог-таки завалиться среди прочего мусора. Сашкиного сына, проводившего у меня как-то пару раз выходные. Не без экстрима, конечно же, вдали от отцовских глаз и рук, творивших в тот момент не самые чистые промыслы. Жаль, что родителей не выбирают. Возможно, тогда маленький Витя не увидел бы труп отца с простреленной головой, слившего, как выяснилось позднее, партию левого кокоса не тем людям...

Шлем обнаружился на дальнем стеллаже за ящиком автоэмали. Так и есть, – беленький с размытыми полосами с обеих сторон и единственной черной буквой на тыльной части- S. Он стянул его и смахнул пыль: «Еще один ребенок на мою голову... Какой с меня, к черту, педагог?»

Гуманоид тем временем, придерживая штаны на манер подола, угорал над собственным отражением в тонированном стекле 'Outlander'-а. Вот куда ей азы управления тс категории А, скажите? Ей самокат – максимум, ну ладно, велосипед... Трехколесный – не менее...

Она держала пальцы на манер пистолета и поочередно тыкала ими в свое отражение, при этом бурча что-то нечленораздельное. Мое присутствие, видимо, было для нее не обнаруженным. Последнее, что меня обескуражило, был жест матерого боксера, приложившего головой фонарный столб, стоящий позади нее. Я не сдержался и заржал в голос. Она тут же среагировала и, уставившись в мою сторону, тоже принялась залиристо хохотать.

Что-то я становлюсь неприлично сентиментальным... Черт...

Я молча стянул с нее шлем, и тут же водрузил новый, стараясь как можно скорее скрыть это упивающееся собственной глупостью лицо. Лучше б я ей пакет на голову надел, честное слово! Глаза. Ее глаза. Они смеялись. Твою же мать... Смотрели сейчас на меня в прорезь поднятого визора и смеялись. Так неподдельно, так искренне. Не помню я, где еще такие видел. И когда в последний раз так же стоял и лыбился, как идиот.

Она крепко вцепилась в руль. Я сидел сзади, максимально концентрируя внимание за ее щуплыми плечами и готовый в любую секунду перехватить управление на себя. Экипировку мы все-таки сняли, – ездить в таком виде куда более ущербнее. Достаточно было моей куртки, застегнутой с горлом, и шлема восьмилетнего мальчика, пришедшего как раз в пору.

Мы выехали со двора. Общее представление об аппарате она имела, остальное нарабатывается практикой. Медленно проползая мимо обшарпанного забора детской части двора, она явно направлялась на оживленный проспект. Я чувствовал, как пульсирует кровь в ее висках, как задерживается дыхание и, как сжимаются мышцы нижнего пресса, превращая все ее хрупкое тело в пружинку, в натянутую пружинку, накапливающую в себе потенциальный заряд адреналина. Не исчерпывающая на данный момент кладезь энергетики. Хоть бери ложку и снимай самый свежак, вкусенький и только что из печи. Какой соблазн, черт возьми... Какой соблазн.

Я сделал глубокий вдох и попытался переключиться от нее; от ее бушующего красно-желтыми вспышками ареола чистой энергии, чтобы ненароком не накачаться им до беспамятства.

Она по-прежнему напряженно рулила. Ползла по правому краю проспекта и то и дело сжимаясь в сгусток энергии при вновь проходящем мимо автомобиле. Преодолев 300 метров, которые я желал, чтоб закончились как можно скорее, я свернул ее на одинокую заводскую территорию. Раздолбанная дорога в две полосы, – как раз то, что нужно для снятия ступора новоиспеченного пилота.

Наскоро объяснив последовательность управления, пару раз отработав разгон и торможение, переключение передач и вход в поворот, я дал ей возможность познакомиться с машиной, оценить способности, пообтереться характерами и решить, надо ли это ей вообще. Спустя минут двадцать отчаянной концентрации и пыхтения, ее решимость не угасла. Ну что ж... Тогда поехали, девочка. И мы, крадясь, выхватывая выпученным глазом фары куски изможденного асфальта и убогость панорамы, выползали на трассу, только руки на контроле руля я уже не держал.

*

Сказать, что я была в восторге, – не сказать ничего.

Я с легкой иронией наблюдала, как он неспешно выкатил мотоцикл из гаража, любовно поглаживая по кожаному сидению и пристально осматривая каждый сантиметр своего сокровища, как это умеют делать исключительно мужчины.

“Ну, аппарат, ну двухколесный... Ну, тот же транспорт”, – думала я в тот момент. “Что я машин никогда не водила?”

Водила. И не плохо, между прочим. Слава богу, отец с шести лет за свой «жигуленок» сажал, – за баранку подержаться. Сколько я на его калымаге отмотала, одному богу известно, пока не умер он. От цирроза печени. С тех пор я лишь пару раз садилась за руль, но навык, как известно, штука подсознательная и легко восстанавливаемая на уровне мышечной памяти, поэтому сомнений и возникнуть не могло, что я справлюсь.

Облачив меня в эту идиотскую экипировку, он явно держал умысел поиздеваться: свисающие почти в три четверти рукава куртки, штаны, заканчивающиеся поясом в районе груди и безразмерный шлем. Я чувствовала себя вешалкой, на которую набросили весь этот прикид и заставили в нем маневрировать. Придурковатости от данного снаряжения было куда больше, чем пользы. По крайней мере, я так ощущала по себе. И ничего, кроме как веселиться над собственным видом, мне не оставалась. После недолгого приступа хохота, всевышний, похоже, услышал-таки мою мольбу, и Макс снизошел до отказа от данной клоунады в пользу его уплотненной куртки и откуда-то возникшего вдруг шлема моего размера.

И я залезла на ожидающую конструкцию. Тяжело. Да, первым ощущением была именно тяжесть. Я едва доставала ногами до земли, и удерживать в таком положении мотоцикл было крайне сложно без особо натренированных мышц. Еще сложнее при этом было, не теряя концентрации, плавно отпуская сцепление и трогаться. Все казалось каким-то дико неудобным и

непонятно для кого созданным. Но настрой пересилил. Очень уж давно хотелось проехаться на подобной вещице, причем проехать самой. Макс, особо не утруждая себя наставничеством, показал пару основных манипуляций и ушел. Просто встал в стороне и изредка поглядывал, медленно потягивая сигарету. Я не понимала, почему он не контролировал мои действия, почему не сидел сзади и не комментировал каждую манипуляцию, ведь навернусь же сейчас... Здесь особого ума не надо, чтоб навернуться, Да, и, бог с ним, если сама покалечусь, так ведь мотик поцарапаю или того хуже, разобью. Не жалко, что ли красивую вещь?

Я уселась поувереннее. Где-то слышала, что расположение собственного веса на мотоцикле во многом влияет на его поведение. Только как, блин, его по грамотному располагать, особенно, когда его не так много изначально... Спрашивать не хотелось, хотя вопросов с каждой минутой становилось все больше. Раз уж доверил, надо справляться самой. С третьей попытки получилось неплохо. По крайней мере, дернул не сильно и не вышиб внимание с управления. Еще через пару другую повторов результат меня уже радовал. Я украдкой поглядывала в сторону Макса в надежде увидеть одобрение и там, но он лишь стоял, следя за мной исподлобья, и двусмысленно ухмылялся. Затем кивнул. Я кивнула в ответ. Через минуту он сидел за мной, обхватив руками край сиденья позади себя, а мой корпус коленями. "Поехали" – сказал он. И я тронулась, чувствуя, как мое сердце забухало с удвоенной частотой.

Это было похоже на танец. Эдакий баланс психического заболевания и инстинкта самосохранения, осознания хрупкости человеческого создания в условиях абсолютной незащищенности и в то же время глубокое удовлетворение от мысли, что эта хрупкость находится целиком и полностью в твоих руках и более того, ты в состоянии ее контролировать.

Я катилась по безлюдной заводской «кишке» мимо припаркованных монстров отряда 'ВАЗ' и чувствовала, как восторг, скапливаясь клубком внизу живота, жаркой волной поднимается к диафрагме.

– Отжимай! – донеслось до меня сквозь шуршание шин и звукоизолирующий материал шлема.

Нога неловко нащупала передачу и утопила ее. “Жаба” недовольно дернулся, но тут же примирительно заурчал, почуввав руку хозяина, вовремя нашедшую рукоять газа. Дыхание снова перехватило. Дорога замелькала быстрее. Третья скорость прошла легче, за ней четвертая, пятая. И будто завороченная открывшейся передо мной полоской трассы, напористым дыханием встречного ветра, монолитом дорожного покрытия и пьянящего чувства безграничности я не замечала, как рука непроизвольно все сильнее открывала газ. Это несоизмеримые ощущения ехать вторым пассажиром и собственноручно управлять данным аппаратом. Везти его и чувствовать, как он ведет тебя. Воистину, только человеческий гений мог создать подобную вещь.

Тем-то и уникален человеческий разум, потому что обладает невероятно широкими границами своего существования, от полной деградации, проживания на мусорных свалках, до истинного ума, порождающего прогресс цивилизации.

Бетонные блоки ограждения резво ушли влево, скручиваясь в затяжной поворот, и мы выехали на второстепенную дорогу какого-то шоссе. Понятия не имею, какого. Понятия не имею, как я вообще заложила мотоцикл в этот поворот, наклонив его корпусом. Я чувствовал всю мощь машины. Взрывы в цилиндрах сотрясали тупой, оцепеневший мозг. Поршни молотками стучали в моей крови. Я прибавила газу. Машина пулей неслась по шоссе. Мотор загредел еще сильнее. Воздух бил мне в лицо. Я пригнулась за ветровым щитком и будто провалилась в грохот двигателя. Машина и тело слились в одном напряжении, в одной высокой вибрации, я ощутила под ногами колеса, я ощущала бетон шоссе, скорость... Ночь завывала и свистела, вышибая из меня все постороннее, мои губы плотно сомкнулись, руки сжались, как тиски, и я вся превратилась в движение, в бешеную скорость, я была будто в беспомощности и в

то же время пределом концентрации. Невозможно передать словами то чувство перерождения, когда в тебе будто все снова встает на места.

Еще один день близился к завершению. Я медленно сняла очки, рефлекторно сжимая пересохшие веки, положила их на письменный стол, отошла к окну и закурила. Курить по новым правилам можно было только в специально отведенном помещении, только кого вообще волнуют правила? После того, как я прокрутила компании за месяц годовой ее доход и устранила главного их конкурента на рынке, меня уже в принципе мало, что волновало. Разве что затянувшаяся осень и постоянно воспаленные глаза. Я всматривалась в остатки зелени за окном, в надежде хоть как-то погасить напряжение, и одновременно отслеживала траекторию движения щуплой фигурки, перемещающейся по центральной парковке. Фигурка семенящими шагами прошмыгнула между редееющим строем машин, и несколько раз обернувшись, скрылась в своей потрепанной малолитражке. Все слишком очевидно и предсказуемо. Впрочем, как и всегда.

Потеряв всякий интерес к панораме внизу, я отошла от окна и прикурила очередную сигарету. Со временем это стал мой огромный недостаток: если что-то переставало меня интересовать, я либо сразу ухожу, либо, если не могу уйти, перестаю воспринимать. Я не впускаю в себя ни единого бита информации, если она мне ничего не дает. А получать я привыкла многое...

По официальной версии моя работа заключалась в выколачивание денег из еврофондов под дурацкие проекты. К примеру, сорок пять тысяч евро на разработку этикетки маринованных помидор. Папка объяснений – почему так дорого – весила полтора килограмма. Там были гистограммы, слова: фокус-группа, стробоскоп, стохастическая функция, читабельность бренда, скорость распознавания шрифта и психофизиология восприятия цвета, вплоть до фразы: «Третий нарисованного помидора рождает больше помидорных эмоций, чем целый живой помидор». На деле же, я просто занимала достаточную позицию, чтобы находиться в нужном месте в нужный момент. Иными словами, основная часть моей работы была – сблизиться с людьми, которые окружают моего босса.

*

Самолет вылетал в девять. Я на скорую руку покидала какую-то одежду в спортивную сумку, сгребла пару тюбиков из ванны, по привычке проверила документы и вышла из квартиры. Такси не подвело, подъехало вовремя и непременно тащилось с минимально разрешенной скоростью, наматывая время почасовой оплаты. В восприятии неизбежного я всматривалась в стекла проезжающих мимо машин, в их причудливые временами расцветки и в лица существ их наполняющих. От таких лиц хотелось блевать, уж извините. Зомби апокалипсис – во всей красе. Утренняя версия.

Моноotonно накрапывал дождь. Под скрежет дворников накатила усталость. И в правду в дороге лучше забыть. Счастливы, говорят, не ведающие. А ведающие просветленно им завидуют, уходя все больше и чаще в медитативную спячку, чтоб хоть как-то остановить поток мудрых мыслей. Так было и так будет.

Я провалилась.

Очнулась только на парковке аэропорта. Водитель такси как раз искал место на забитой стоянке, плутая в узких проездах по указателям.

– Да, я дойду. Есть время, – сказала я, понимая бессцельность всего процесса. И, расплатившись, выпрыгнула в мокрое утро.

Металлоискатель, паспортный контроль, багаж, которого не было, – все прошло как-то сонно и обыденно. В ожидание рейса я пила невкусный кофе и тупо пялилась в прыгающие картинки на настенной плазме, работающей без звука. Аэропорта вообще мало чем друг от друга отличаются. Размерами, разве что. А так везде все одинаково общественно, картинно и искусственно. Салфетница неловко слетела со стола. На кого только рассчитаны эти узкие столики... Передвигая что-нибудь одно, обязательно спихнешь другое... Для жизни, наверное. Жаль только, в жизни изначально не прилагается такого же молоденького и шустрого официанта, способного быстро и бережно собирать осколки.

Рейс объявили без опозданий. Трап, широкая пасть двери самолета, узкий проход и мое место возле окна – милые приятные бонусы. Я уселась и тут же заткнулась плеером, – с некоторых пор я перестала любить детский писк, даже на восторженных нотах. Красочный каталог duty free, инструкция при аварийной посадке и любимая подборка плейлиста, быстро скрасили остатки времени до взлета. Инструктаж стюардесс, горящая лампа "застегните ремни" и мы готовы. Я почему-то всегда с нетерпением жду этого момента, сколь часто бы ни летала. Двигатель загудел, махина пришла в движение, вырливая на взлетную полосу; минутное замедление, резкий разгон, набирающий потенциал давления, и характерное подергивание салона. Еще минута. Давление усиливалось. Еще. Все сильнее и сильнее. Еще рывок, и дыхание оборвалось, волнами схватывая низ живота. Я медленно выпустила остатки воздуха из легких и, откинувшись на подголовник, вернулась взглядом в иллюминатор. Прямоугольные нарезки разных оттенков, сменяя друг друга, вперемешку с извилистыми ниточками дорог сконцентрировались в одной точке. Крохотная и хрупкая конструкция под названием мегаполис с каждой секундой становилась все незначительнее, а вместе с ней и все ее многоквартирные дома, узкие коридоры, перегретый асфальт, небоскребы и ничтожные человечьи заботы, движущие нами со значимостью вселенского масштаба. Впереди только пушистый настил облаков, будто долина невесомости со своими рельефами и рисунками. И пусть всего на несколько часов. Пусть. Избыток вкуса, как известно, убивает вкус...

Меня встретили по классической схеме. Трансфером оказался приличный на первый взгляд микроавтобус, однако с напрочь ушатанной подвеской, как выяснилось уже в процессе езды. Трясло и укачивало не по-детски, особенно когда и без того не широкая трасса тонкой ниточкой потянулась вверх, с каждым поворотом отдаляясь от привычного уровня грунта. Лишь хаотичный строй сосен то приближался, то удалялся от края обрыва, демонстрируя между своими верхушками отряд уютных домиков, растянувшихся вдоль побережья.

Я находилась в полу бредовом состоянии, балансируя где-то между явью и сном. После перелета и смены климатического пояса физическое состояние вновь резко ухудшилось. Мне было не по себе.

В очередной раз, выныривая из забытья, я резко дернулась и ударилась коленом о спинку впереди стоящего сидения. Через секунду в проеме между кресел появились глаза

– С тобой все в порядке? – спросил их владелец.

Я покачала головой и попыталась облизнуть пересохшие губы, но мой взгляд, видимо, ответил все за меня.

– Опять? – больше утверждающе произнес он, и протянул мне бутылку с водой. – Держи.

Я жадно прижалась к пластиковому горлышку, чувствуя, как жидкость струится из уголков рта и спускается под футболку. Голова закружилась, вакуумом заполняя ушные раковины... Или это просто особенности движения?

Автобус еще раз лихо повернул на обрыве и резко затормозил у шлагбаума. Похоже, приехали.

– Дальше следуем пешком, – будто подтверждая мои мысли, резюмировал проводник и выдвинул дверь.

Я выползла из автобуса, волоча за собой сумку, и едва не отъехала в обморок. Плотный, но ненавязчивый запах хвои прорезал легкие и наполнил их насыщенным кислородом, отчего замызганные сосуды дитя цивилизации резко расширились и швырнули изможденное тело в сторону. Я вовремя ухватила рукой за корпус автобуса и перевела на него точку опоры. "Стрессы. Это все стрессы. Слишком много стрессов за последнее время." И через силу работая легкими, я огляделась по сторонам. Узкая тропинка спускалась сквозь хвойные заросли и уводила напрямиком к горному озеру, на берегу которого уверенно и неброско располагался двухэтажный дом с открытой верандой и Т-образным пирсом, выложенным из горного камня. На одном из таких, казалось, совершенно неподвижно сидел мужчина, не пожилой, чуть за сорок, как можно было подумать на первый взгляд. Тряпичный раскладной стул, свободная хлопковая рубаша и спиннинг с закинутым почти на центр водоема поплавком, столь умиротворенно поблескивающим на солнце абсолютно прозрачного неба. Все так и дышало спокойствием. Тихая гавань вдали от суетливого мира, – что может быть типичнее для состоятельного человека, создавшего свой успех. Тем или иным образом. ...

– Жди здесь, – тормознул ход моих мыслей, а затем и меня саму перед самым спуском к пирсу мой проводник.

– Это он? – я не совсем понимала сути происходящего.

Саша смерил меня испепеляющим взглядом, но отвечать ничего не стал. Я медленно последовала за ним.

– Сегодня прекрасный клев, Александр, – выдал "рыбак", даже не повернув головы.

Мой спутник встал как вкопанный правее за его спиной.

"Нас ждали. Еще лучше! Кто-нибудь может мне объяснить, что тут вообще происходит?"

– Жарковато, конечно, сегодня, – продолжал он тем временем. – Поэтому сазан на глубине, но форель идет хорошо.

– Мистер Шанти, мы...я... – замаялся Саша, явно до сих пор пребывая в замешательстве, каким образом его спалили с потрохами. Только потом я поняла, что отдыхающий располагался в своем стуле таким образом, что тень вновь пребывающих появлялась гораздо раньше, чем ее обладатель. Это и позволило застать проводника врасплох, при условии, что они были знакомы и ранее. Отчего же тогда нервяк?

Я выжидала.

– Мы, – снова принялся Саша, но не успел.

Мистер Шанти (что за бред!) неслышно обернулся. Смуглая кожа, местами отмеченная морщинами, глубокие впадины глаз на широком лице и неуловимая улыбка, направленная куда-то внутрь себя. Он окинул меня быстрым взглядом и так же нерасторопно отвернулся.

– Энигма в доме. Стучитесь прежде, чем войти.

"Энигма?" – я вопросительно посмотрела на Сашу. Тот в ответ кинул взгляд в сторону Шанти и едва заметно постучал по безымянному пальцу правой руки.

Энигма. Нормальное имя для жены. Все это с каждой минутой напоминало мне галимую инсценировку какой-то дешевой мыльной оперы. Или я все же слишком сильно в прошлый раз травмировала голову...

Мы проследовали в дом, гостиная которого оказалась еще и сквозным коридором, ведущим в тенистый сад с крупными неизвестными мне цветами, резной беседкой и гамаком. Саша задержался у лестницы, ведущей на второй этаж, но все же направился в открытый проем. Через какое-то время там, в беседке, взору открылась молодая женщина в соломенном кресле. Она сидела, поджав под себя длинные загорелые ноги, и что-то печатала в черном ноутбуке.

– Энигма, – негромко позвал Саша и нелепо помахал пятерней.

Энигма обернулась и расплылась в шикарной белозубой улыбке. Когда мы приблизились, я смогла рассмотреть эту даму с редким именем более детально. Молодая женщина. Да, именно молодая женщина. Не девушка, – не те глаза, слишком уж умиротворенный, чутки и глубокий

взгляд с неуловимой ноткой магнетизма. Где-то я уже такой видела... Определенно видела. Где же?

Такой взгляд не присущ юным девам, хотя и выглядела она значительно моложе, чем могло бы показаться. Оболочка была совершенной, – подтянутое тело, налитая грудь, роскошные белокурые чуть вьющиеся волосы и улыбка. Улыбка, глядя на которую невольно подумаешь о смене ориентации.

– Шанти говорил, что ты вернешься. И говорил, что не один, – зашебетала она, одарив меня взглядом.

– Ника, – негромко представилась я. И едва не отдернула руку в момент, когда ее тонкие пальцы с изящными украшениями коснулись моей руки.

Наши глаза встретились, и едва уловимая серость пробежала по ту сторону ее зрачков, будто кто-то на мгновение погасил внутреннюю подсветку.

" Да что тут происходит... "

– Что ж, пройдемте в дом, не будем здесь задерживаться, – источая прежнюю доброжелательность, произнесла она и жестом пригласила за собой.

Я незаметно дернула Сашу за рукав.

– Это она и есть, – шепнул он мне мимоходом.

Что?! Да какого черта! Я проделала путь в не одну тысячу километров, чтобы встретиться с грамотным компетентным в столь шепетильном вопросе человеком. Здесь по определению должна быть пухлая старуха в платке с безумным взглядом, частичным отсутствием зубов и пальцами, пораженными артритом. Я была готова увидеть безумного медиума, экстрасенса, если хотите, приняла бы даже полоумного шамана в перьях и с бубном в руках, пережравшего галлюциногенов, но никак не эту леди, отдыхающую от светских приемов на собственной ферме.

Меня снова наполнило раздражение. Кто этот идиот? И каков смысл всех этих тупых шуток?

Я рывком утянула Сашу назад и, вплотную приблизившись к его лицу, процедила сквозь зубы: "Ты надо мной издеваешься? Я не для того сюда приехала, чтоб наигранно улыбаться и вести непринужденные беседы о возвращении в дизайн интерьера стиля рококо!"

– Ты совсем спятила?! – прошипел он, отбрасывая мою руку. – Соберись, пожалуйста, и постарайся снова не сорвать всю проделанную работу одной своей нелепой выходкой. Или, проще говоря, закрой рот и слушай.

Ничего другого мне не оставалось. Я, молча в очередной раз, слотнула нелестное напоминание в свой адрес, и, как ни в чем не бывало, проследовала за ним. Мы сели в сумрачной гостиной за круглый столик из темного стекла в глубокие черные кресла. Чем-то мне это напомнило сеанс психотерапии, – мы вдвоем напротив кресла хозяйки, стоящего спинкой к закрытому полупрозрачными шторами окну. Проникающий сквозь тонкую текстуру свет как-то мистически формировал ее образ, скрывая четкость деталей на фоне общего силуэта.

– Чай, кофе? – прозвучали стандартные фразы, и будто по заказу вдруг материализовался молодой паренек лет шестнадцати в холщовой рубашке с двумя чайничками на подносе и сервизными чашками.

Мне ничего не хотелось. Мне было не комфортно под этим плотным сканирующим взглядом небесно-лазурных глаз. Как будто кто-то пронизывал мой позвоночник, начиная от копчика медленно пробираясь вверх тонкой металлической проволокой. Энигма не сводила с меня глаз, но что еще более пугающее, – свой я не могла отвести тоже. Она будто держала меня в тисках, своего рода гипноз, когда смотришь, понимаешь, что неприятно, но оторваться не можешь.

Эта ватная пауза, казалось, длилась целую вечность. Саша молча опускал кубики сахара в кофе, будто и не замечая вовсе, что происходит между мной и хозяйкой, только почему-то

очень медленно. словно в замедленной съемке кисть его руки совершала круговые движения маленькой ложечкой, а создаваемые от соприкосновений со стенками чашки звуки отрывками доносились, будто сквозь вакуум. Я сидела, вцепившись руками в ручки кресла. Вся моя поза была одним напряжением, каждая мышца налита и тонизирована. Я не двигалась, я была прикована глазами к этой женщине, которая, не переставая, буравила меня взглядом, ставшим вдруг таким тяжелым и пронизывающим, и едва заметно что-то нашептывала своими налитыми полными губами. Меня будто пытались вывернуть наизнанку. Мышцы непроизвольно сокращались и сдавливались спазмами. Мне стало казаться, что еще немного и меня вывернет, желудок отзывался характерными позывами. Но что еще было более странным, – я будто видела это все со стороны...

Последнее, что я еще успела запомнить, были резко сузившиеся до едва заметной вертикальной полосочки зрачки Энигмы. Больше видеть мне ничего не хотелось, и, не выдержав, я выскочила из кресла.

Спустя некоторое время Саша нашел меня в саду.

– Пошли, – подхватив меня под руку, сказал он.

Я оглянулась на него и, не увидев во взгляде хотя бы намек на желание меня понять, последовала за ним. Я не скрою, меня интересовало, что же в итоге сказала Энигма, и чем закончилась их беседа, но спрашивать не решалась, – духу, видимо, не хватало.

Обратная дорога, говорят, всегда короче... не знаю. Может потому, что срубает беспокойный поверхностный сон, а может просто есть над чем подвести итоги. Мне было, о чем поразмыслить. Кошки целой гурьбой вновь заскребли по душе, явно что-то закапывая, то ли с перепугу от количества воздушных ям за все время полета, то ли по старой памяти. Початая еще перед посадкой бутылка из duty free плохо спасала, от обеда я отказалась. Саша не полетел со мной. Сказал, что еще нужно уладить детали, лишь всучил белый конверт со словами, что перемены неизбежны и обратной дороги нет. Тоже мне, открыл, как говорится, Америку. Сколько раз за времена своей деятельности я получала такие конверты с последующими инструкциями, сколько раз приступала к заданиям, даже не раскрывая конверта, сколько раз выполняла изложенное пошагово и беспрекословно, и лишь единожды оступилась...

... и этого было достаточно. Я, как сапер, знаете ли. В моей профессии вторых попыток не дают. А если и дают – то это уже ультиматумы. И они, как и перманентная горечь на языке, становятся вынужденной необходимостью, если все еще хочешь жить. Я хотела.

Открыть конверт я решила только после посадки в столице.

Прохладный весенний ветер проникал в квартиру сквозь приоткрытое окно. Новый день, утреннее кофе, узкая лестница, поворот ключа зажигания и шум мотора, едва слышный, – так работают только новые двигатели. Я глубоко вдохнула запах салона и улыбнулась, подставляя лицо столь ранним лучам солнца. Как, все-таки, хорошо, что утро наступает всегда. Что бы ни происходило за прошедшие сутки, чем бы ни заканчивалась ночь, ты всегда знаешь, что через каких-то четыре, три, два часа ты сможешь встать и начать жить заново. Только в этом, наверное, и можно быть уверенным. Я отчего-то улыбнулась еще шире и плотнее закрыла глаза. В стекло вдруг неожиданно постучали. Я вздрогнула. Больше от внезапности, нежели от увиденного, хотя то, что открылось передо мной тоже вызвало несколько неоднозначные эмоции. Заплывший левый глаз, распухшая губа и сплошной синеватый оттенок всей кожи лица, едва позволяли распознать черты не малознакомого мне человека.

«Неслабо его так отделали. Совсем озверели там, черти».

Он тем временем нервно переминался с ноги на ногу и пребывал в явном нетерпении определенно мне что-то поведать. Сдерживая саркастическую улыбку, я опустила стекло.

– Вы меня подставили! – брызнул он, как только между нами образовалось пространство.

– Выдохни, – парировала я, явно давая понять, что его трогательная лирика меня мало интересует. – Ты передал все необходимое?

– Передал! Но там явно чего-то не доставало, – захныкал он с новой силой. – Эти ребята даже слушать ничего не хотели. Отметелили меня так, будто я себе там что-то скрысил, хотя я даже пакета не открывал. И вы это знаете. Я всего лишь приехал по указанному адресу и сделал, что вы просили, – почему я должен был пострадать? Это не моя вина, что вы там что-то забыли. ...

«Воистину, чувство юмора Господне неисповедимо», – думала я, выслушивая эти жалкие сопли. «Так осмотреться, в мире полно достойных персонажей».

– ... я предполагал, что могут возникнуть внештатные сложности, меня предупреждали, но не думал, что именно я стану потерпевшим. ...

– Послушай сюда, потерпевший, – раздражение плавно начало брать верх и, я буквально физически почувствовала, как улечивается мое утреннее настроение. – Хочешь себе работку поспокойнее, – иди на почту, хочешь чистую совесть – открой богадельню, если же хочешь заработать денег, – иди и делай, что говорит твой босс. И если он говорит, иди – огреби пиздюлей, ты торжественно идешь, а вернувшись, с благодарностью спрашиваешь – не сходить ли еще! Вникаешь?

Он осекся и уставился на меня, как на призрака.

– Вникаешь? – с усиленным голосом я повторила вопрос.

– Да, – буркнул он отекшими губашлепками.

– Вот и славно. Теперь аккуратно положи то, что должен, в мусорный контейнер для пластика возле автобусной остановки слева в трех метрах от тебя. И можешь быть свободен, с тобой свяжутся, если возникнет необходимость.

Необходимости, конечно же, не возникло, как и возможности, кому бы то ни было теперь его отыскать. Души исчезают в полдень, говорят? Возможно, – именно души. Сей же дух испустился немного пораньше, ровно за десять минут до того, как приступили к работе мусороуборочные машины.

Зайдя в гостиную, я застала его за напряженной игрой. Собранная фигура на фоне панорамного окна, резкие почти конвульсивные движения, и глубокое дыхание, слышимое даже сквозь звуки издаваемой музыки, лишь подтверждали мои мысли о длительности и серьезности происходящего процесса. Крадущимися шагами я преодолела расстояние в несколько метров, неслышно опустила в орнаментальное кресло на изогнутых ножках и приняла наблюдательную позицию. И признаться, не без удовольствия. Струны натянуты, нервы как струны, мощь, экспрессия, вздутые вены на руках, разрезающие пространство смычком, и полная концентрация, – что может быть обворожительнее? Тем более, когда речь идет о мастере любого своего дела, – статном слегка седеющем мужчине в полном расцвете своих физических и моральных сил, а ко всему входящий в десятку миллионеров, по мнению не малоизвестного издания, и с которым вот уже продолжительное время мы совместно вели дела. С переменным, но все же успехом. До сегодняшнего дня, видимо, если судить по исполняемой симфонии.

Вадим закончил играть, резко прервав произведение, сделал несколько обессиленных шагов спиной и замер на покрытом резьбой и позолотой стуле. Выглядел он, как настоящий псих: бегающий взгляд, дрожащие руки, безвольно повисшие вдоль тела, так и не выпускающие инструмент, учащенное дыхание и гримаса полуулыбки на губах. Такой весь мрачный и

торжественный. Он ведь действительно во многом был псих, и это было, наверное, одной из главных причин, почему мы смогли сработаться.

– Когда-нибудь об этом я напишу книгу, – заговорила я, уловив в его глазах заметное просветление. – «Формирование нордического характера, или Влияние смычковых инструментов на арийских мальчиков».

Он улыбнулся в ответ уже более естественно и выпрямил спину:

– Не описывай только, что, вырастая, эти арийские мальчики становятся невыносимо амбициозны, а в порыве гнева крушат головы всех, кто так или иначе начинает фальшивить. Рисуем оставить будущее без истинных виртуозов.

Я мягко улыбнулась, растворяя на контуре губ порцию привычного “яда”, и повернулась к окну:

– Мастерство и без того исчезает, чтоб его еще уничтожать осознанно, – проговорила я на выдохе. – Кругом сплошное дилетантство, а оно, знаешь ли, настолько утомляет и расстраивает...

– Меня сегодня расстроил утренний звонок об отчетности со слов: «Вадим Сергеевич, у вас есть чем застрелиться? Здесь такое дело...»

– Они по беспределу пошли, Вадим, – прервала я, вновь обратившись в сторону собеседника. Он на глазах приходил в себя, будто трансформируясь в привычное ему хладнокровие, и взгляд вновь приобрел характерную пелену инея. – Отрихтовали его так, что собственная мать долго от него шарахаться будет. Думаю, еще пара месяцев в подобном режиме и, они окончательно сорвутся с цепи.

– И это тебя расстраивает?

– Скорее утомляет, – я чуть заметно пожала плечами. – И нервирует немного...

– Тогда я сочувствую им вдвойне, – он вновь ухмыльнулся, и не спеша, поднявшись, подошел к напольному зеркалу, поправляя манжеты. – Некоторые женщины в утомленно нервном виде способны покорить и изувечить Северный полюс. Избы и кони, лишь их завидев, прекращают гореть и скакать. Даже я, известный с юности смельчак и хулиган, откровенно таких побаиваюсь...

– Вы как всегда щедры на комплименты, Вадим Сергеевич, – я чуть с больше положенной скромностью улыбнулась и поймала его взгляд в отражение уже без тени насмешки. – Что вы мне с ними теперь делать прикажете?

– То, в чем виртуозна исключительно ты, – он продолжал настолько самодовольно оправляться у зеркала, что глаза его блестели даже через отражение. – Связать их за яйца и направиться в нужное мне русло, – пусть мальчики развлекаются.

– Как бы они потом этим коромыслом мне на плечи ни легли, – уровень сарказма нарастал прямо пропорционально его желчи в голосе. – А то получится своего рода «яичница на открытом огне»: вроде бы и куриные жарить, а собственными рискуешь в сантиметре от раскаленной сковороды. А уж если быть еще точнее, то вашими, так как в моем случае «яйца» – понятие относительное и виртуальное. А потому огнеупорное. Абсолютно.

– А вот здесь-то, как раз, и вступают в силу твои «кулинарные» способности, – он обернулся, едва сдерживая проступающий яд в маслянистых глазах. – Негоже же в самом деле потом публичному лицу контра тенором объясняться.

– Что вы, Вадим Сергеевич, какой контра тенор?! – Я в сердцах сложила ладони на груди. – Обойдётся максимум лёгкой хрипотцой! Голос будет такой... с песочком. Знаете, даже эротично. Женщины страсть как любят диапазонные мужские голоса...

– Еще больше они любят, когда человеческий самец в возрасте пятого десятка, с нарушенной конституцией веса и редющей растительностью на голове приносит с улицы котёночка, однако это совершенно не аргумент превращаться из мужчины в малахольного идиота.

– Ох, ну вам ли про возраст, в самом деле! – жестом отмахнулась я, сдерживая прилив смеха. – К тому же, вам ли не знать, что от моей стряпни в восторге только мухи, да и те, что умудрились не подохнуть.

– Именно на это я и рассчитываю, как на неравное преимущество.

*

Два дня спустя нам выпала честь быть приглашенными на прием в немецкое посольство. Вадим настоял, чтоб я пошла с ним. На такие приемы по протоколу следует приходиться со спутницей, к тому же он хотел представить меня очередным деловым партнерам: речь шла о запуске (якобы о запуске) новой линии производства под Москвой. Никто не верил, что Европа даст денег. Но она дала, потому что добра к искренним идиотам.

Ровно в шесть, как было указано в приглашении, мы поднимались по лестнице посольства. Вадим – в безупречно сидящем смокинге, я – в вечернем платье, с идеально уложенными волосами. У входа в просторную гостиную официант в накрахмаленной белой сорочке и бордовой бабочке предлагал шампанское. Я, как водится, поблагодарила и залпом осушила бокал, – невероятно хотелось пить. В последнее время я все чаще испытывала ничем не утоляемую жажду, – то ли от солевых отложений времени за последние периоды жизни, то ли от вездесущей пресности.

В зале было много изысканно одетых элегантных женщин. Дамы стояли кружком и беседовали вполголоса, бриллианты их загадочно мерцали и отражались в бокалах и зеркалах. Рядом группа мужчин в смокингах что-то бурно обсуждала по-немецки. Я молчала и улыбалась, – светские свои обязанности я всегда выполняла послушно, и абсолютно без удовольствия. Шампанское было безвкусным. Я все чаще встряхивала волосами в такт присущей наигранности, смеялась и фальшиво кокетничала, смотря на эти мелькающие вокруг картинки чужих жизней, и думала о том, что явно занимаю здесь чье-то место.

Тогда-то и случился у меня первый приступ...

Внезапно я ощутила настолько острую боль, что согнулась пополам и обхватила себя руками. Необъяснимо трудно стало дышать. Голова закружилась, перед глазами поплыли тысячи маленьких разноцветных звездочек. Все крупнее и ярче, все ближе и ближе, пока полностью не застелили собой обзор. Последнее, что я успела почувствовать, были подхватывающие меня чьи-то сильные руки.

*

Размеренный шум дождя стуком по карнизу вторгся в сознание. А вчера еще было солнце, я помню. Вчера много всего было. Чем только успело закончиться...

Я попыталась открыть глаза. Станный треск болью отзывался в одном из полушарий. В левом. Веки медленно, с трудом поднялись, и я увидела смутно знакомое мне лицо. Или незнакомое? Или не увидела?

– О, с возвращением, Ника Борисовна! – отозвался располагающим голосом силуэт. – Вы проспали больше суток. Выспались?

– Где я? – я чуть слышно пошевелила губами.

– Клиника Доктора Симушкина. Терапевтическое отделение, – продолжил голос, не меняя тональности. – Сейчас выпьем таблеточки и на процедуры!

– Процедуры?

То ли от удивления, то ли от резкого спиртового запаха, боль отошла на задний план, и моему взгляду снова вернулась четкость. Я огляделась. Светлые стены, окно с задернутыми занавесками – практически белыми и фигура чуть полноватой женщины, непринужденно

меняющая воду в вазе с живыми цветами. Она, почти танцуя, орудовала с непослушными стеблями изящного букета, затем положила на тумбочку пластиковый стаканчик с разноцветными таблетками и весело пропела: – Примите пока капсулы, я зайду за вами попозже.

Я дождалась, когда она покинет помещение и вновь осмотрелась. Я была в больничной палате, менее всего напоминавшей больничную. Стены выкрашены матовой краской нежного светло-кремового оттенка; комод, столик на массивных колесах соответствующий общему стилю, и шкаф для одежды снабженный зачем-то даже антресолю. Помимо этого, в смежном маленьком помещении без окон размещались небольшой холодильник и микроволновая печь. Стулья и барная стойка со сверкающими бокалами на высоких ножках. Линолеум нейтральных тонов. Бамбуковые жалюзи. Из окна вид на ухоженный сад, – скамейки, фонари, вычищенные дорожки. И, конечно же, кровать с отличным ортопедическим матрасом и нарядными вышивками на наволочках. Не сложно было представить, что находилось за дверью этого больничного «номера», – интерьер первой-классной гостиницы должно быть, не менее.

Я медленно поднялась на локтях. Тело отозвалось тяжестью и ломотой. В голове – острая вспышка боли. Скопление подушек у изголовья кровати, видимо, для того и созданы, чтобы проваливаться в них от бессилия. Проваливаться, чтоб просто снова прикрыть глаза...

В дверь постучали. Я продолжала лежать неподвижно в ожидании, что это та бодрая «толстушка» вернулась за мной на процедуры, как она не менее бодро выразилась. Однако на этот раз мой локалатор вероятности дал сбой, (видимо, я слишком сильно травмировала голову). Я ошиблась, – на пороге немного растерянно и виновато стоял небритый мужчина в джинсах и белом халате, небрежно наброшенном на плечи поверх мешковатого джемпера. Первые минуты мне было даже несколько трудно узнать в нем своего всегда вышколенного и статного супруга. Некогда статного. Некогда супруга...

Мужчина молча подошел к моей койке и присел на край.

– Лерка, – произнес он, глядя в сторону. – Лерочка...

Я буквально внутренностями почувствовала, что он волнуется, и от этой его заботливой интонации мне стало еще больше не по себе.

– Я прошу, – едва слышно заговорила я, не узнавая собственный голос. – Я прошу, Игорь, не называй это имя...

– Ле... – попытался он снова, обратившись в мою сторону и накрывая ладонью мои тонкие пальцы.

– Не называй! – прервала я все скопом его попытки. – Его нет больше. Ее больше нет...

И барабанивший дождь, как факт подтверждения. Глаза они ведь красноречивее слов. Так было. Так и осталось. Это, пожалуй, единственное, что осталось неизменным. Как и неизбежный приход осени. Я слишком чувствительна стала к осени, особенно, если она начиналась внезапно.

Пять лет назад осень началась резко и сразу. Я как сейчас помню этот период. С первых чисел сентября улицы уже заливал холодный дождь, и всюду веяло промозглостью и простудой. Лишь ближе к середине октября погода вдруг стала удивлять солнечными деньками. Хотя какое значение имеет погода, если за один пресловутый месяц меняешь не то, чтобы страны, – континенты. Если успеваешь проживать не то, чтобы время, – события, и воспринимаешь климатические капризы не больше, чем декорации.

Декорации «made in Italy» импонировали мне больше всего. Особенно, когда солнце окончательно садилось за горизонт. Когда густые багряные тени спускались на горы, и одна или две маленькие звездочки слабо блестели где-то на западе. В такие моменты крепкая мужская рука на тонюсенькой талии и трепетный поцелуй в висок куда более покровительственны, нежели погодные выходы в этой извечной человеческой гонке за комфортной средой обита-

ния. Среда имеет свойство неминуемо превращаться в четверг, как известно, а для гонок давно изобретены надлежащие тому устройства.

«Устройство» призвано урчало. Я расслабленно сидела на пассажирском сиденье, сняв легкий шарф и подставив его на вытянутой руке потоку встречного ветра. В предвкушение неминуемого удовольствия я слегка запрокинула голову. Я люблю скорость. Люблю мчаться под рев мотора и гул в ушах, люблю тот сдавливающий холодок в районе солнечного сплетения и невероятную ясность мыслей. Но больше всего я любила это ощущение рядом с ним. Любила...

Игорь внимательно следил в ту ночь за дорогой, направляя машину по извилистой трассе, а я украдкой любовалась в тот момент его профилем. Мы не разговаривали. Молчание давно было для нас – некое подобие сообщничества – выражало согласие, слишком уж глубокое для слов.

Обошлось тогда без слов. С присущей закономерностью случая. И именно в тот момент, когда прогретый двигатель уже почти самостоятельно набирал обороты, а разгоряченное сердце все настойчивее требовало скорости и адреналина, очередной слепой апекс горного серпантина вдруг резко прервался фургоном, перегородившим дорогу. Дальше вспышка, рывок, его крик. Я без всякого страха выпрыгиваю через заблокированную дверь. Точнее, выпадаю вследствие сильного толчка. Скорость машины велика, я неловко вываливаюсь и приземляюсь на руки и оба колена сразу, после чего кубарем принимаю асфальт. Мне мокро и больно одновременно, но по-прежнему не страшно, и очень хочется увидеть Игоря, но не получается. Скрежет и грохот где-то поодаль заставляет сознание сжаться. Я всеми силами пытаюсь отыскать его источник, но тело отказывается даже подняться. Дышать становилось все труднее. Не закрывая глаз, я начинаю видеть темноту, красные вспышки где-то слева и длинные, сплетающиеся тени.

Приду в себя я уже в больнице, увижу тощую руку с торчащим из вены катетером и перемотанные конечности, закричу. Рядом нависнет кто-то непомерного роста и, что-то проговорив одними губами, медленно растворится.

Мы, все же, были прекрасная пара. Были. Но всегда найдется тот, кто от природы обделен такой редкой милостью, как уметь принимать чужое счастье. И сколько не проявляй в его сторону благородства, сколь сочувственно в это лицо ни улыбайся, он найдет в себе силы и выдержку, чтобы выждать момент уязвимости и направить твое же счастье против тебя. Спустя пару месяцев мы снова обрели друг друга в полном физическом смысле, однако понятие нас с Игорем как единого целого с того момента перестало существовать. Навсегда.

Во всем новом всегда есть свои плюсы. Плюсы новых документов, прежде всего в том, что их не нужно менять при любых бюрократических манипуляциях. Бракоразводная процессия сюда тоже относится. Вся эта бумажная волокита попросту сходит на нет, когда ее носителя тоже становится – нет. Вернее, он есть, только уже совсем не носитель.

Смена фамилии произошла сразу после выписки. Следом за ней – страна, окружение и ареал обитания. По идее и прошлое хорошо бы сменить для полноты картинки, – новый паспорт, новая виза...

Жаль они не избавляют от старых мыслей. И от воспоминаний не лечат. Со временем не оглядываться становится легче. Не более...

Переживая трагедию или личный кризис, всегда наступает определенный момент, когда приходишь до мысли: «Я все еще здесь, черт возьми. Все еще здесь. Значит, кому-то мое при-

существование по-прежнему нужно. Но нужно ли мне оно в тоске, печали и неведение? Или все же найдутся силы в очередной раз подняться и продолжить движение вперед? Вот это, – вопрос».

Сил не было. Желания тоже. Но и произошедшее событие не оставляло шансов задерживаться. Оставалось только – вперед. В очередной раз, почти как инерция, а нарастающая боль – как сигнал того, что дотянулись до новых высот. И совершенно не обязательно, что там понравится, просто это неизбежность, предшествующая всему новому.

Господин «посол» вся олигархия политического строя страны все же не сдюжил тогда, – решил, не посольское это дело, «горшки обжигать». Вот был бы "вентиль", тогда – да. А за «горшки» браться не стал, сославшись на крайнюю рукозатость, присущую «послам» большинства мировых держав. Досадно было узнать впоследствии, что ради едино разовой наживы загубил себе стабильную ежемесячную подкормку в лице гос обеспечения, а нам – много комбинационную стратегию, чем спровоцировал увольнение высокопоставленного сотрудника, по совместительству – нашего человека. «Послу», конечно же, объяснили специально обученные люди в мягко-доходчивой форме, что данным поступком он попадает, как минимум, на контрольный пакет принадлежащей ему нефтяной компании. А также, в рамках уроков вежливости, напомнили, что если уж так нейдет открывать двери с ноги, то нужно изначально для этих "дверей" что-то сделать, быть чем-то полезным. Одному только статусу долго потакать не будут. Достойный люди – не станут из одного только уважения. Шлаку всегда свойственно прогибаться, но людям не дешевых понтов – нет. А меня, знаешь ли, всегда тянуло к достойному. И только благодаря этой тяге удавалось сохранить направление и не становиться говном, будучи даже в условиях полной жопы.

Жопа наступила сразу после того, как выяснилось, у кого находится вторая часть шифра от закодированного банковского счета, и каким именно образом мы стали носителями этой информации. Рам никогда не имел свойства хранить все яйца в одной корзине, что неоднократно являлось ключевым фактором во всех его стратегических комбинациях. Но на этот раз, как выяснилось, несколько просчитался в прочности дна одного из плетеных изделий. То ли прогнило оно, то просто отслужило свой срок. Однако как бы там ни было, факт оставался фактом, – на нас началась охота. На всех. Одновременно и сразу. Бескомпромиссная и хладнокровная. Одна из тех, когда цена человеческой жизни приравнивается к абсолютной дефляции. Или проще выражаясь, не значила ни черта в противовес смотрящей на тебя бездны дула пистолета. Это очень неприятное чувство. Никаких тебе картинок жизни перед глазами, как принято описывать, или причин, почему не хочется умирать. Ничего нет. Только пустота, ледяная душу и ощущение себя ненужным элементом интерьера, которому никак уже не находится место во всей этой системности и отлаженности, – то ли по габаритам не проходишь, то ли девать теперь некуда. Но и выбросить, видимо, жалко, – иначе как еще объяснить тот факт, что ты по-прежнему дышишь?

А потом ты вдруг находишь себя в чужой стране, с чужой фамилией и с абсолютно чужой историей без шанса связать концы прошлого. Кто ты? Что с тобой? Вопросы – насквозь пропитанные риторикой. Ты как зимний сад. Пустой. Деревья замерли в странных вычурных позах, чёрные, насквозь продрогшие. И вроде бы весна на дворе, и вроде бы климат располагающий, а на душе – холод. И жизнь вроде теплится, но так глубоко и слабо, что это почти незаметно. Все ушли, все умерли, а ты – опустевший сад. И нет конца и края той пустоте, как не было ее и тогда в отверстие ствола пистолета, до сих пор время от времени стоящего перед глазами. Но ты продолжаешь тянуть эту лямку до пусть не победного, но все равно конца. Ты все равно ее тянешь...

Я тихонько вошла в номер, отчего-то стараясь не хлопнуть дверь, и без сил опустилась на кровать поверх клетчатого покрывала. Рядом стоял узкий столик, на нем небрежно брошена свежая газета и узкие очки с диоптриями. Два стула, настольная лампа с абажуром цвета мокрого песка, удобное кресло, небольшой бар, на узких полках расставлены нарядные бутылки. В вазе на прикроватной тумбе – живые цветы. Их нежный запах причудливо смешивается с каким-то средством для ухода за деревом...

Я закрыла глаза и, протянув руку, сделала глоток вина, недопитого днем. Вино нагрелось и теперь казалось уже не столь изысканным. Я снова ощутила это странное колкое равнодушие. Казалось бы, вот-вот сейчас должно произойти событие, которого я так долго ждала, к которому готовилась... И что? Пустота. Снова та самая пустота. Я сделала глубокий вдох и подошла к окну. Город жил. Город дышал. Город насмешливо торопил и торопился. Я считывала его ухмылки и в полуденных пробках и утренних очередях. Со временем я слишком отчетливо поняла, что быстро в нашем мире можно получить лишь люлей в темной подворотне. Еще быстрее – пулю в лоб. На все остальное нужно иметь терпение.

И я стерпела. Я дождалась. И сейчас, сидя на краю казенной кровати, мое прошлое явно пыталось соединиться концами, но с одной лишь малой поправочкой, – я уже давно не была его частью...

*

Так и не поворачиваясь больше в его сторону, я смотрю через мокрое стекло окна. Глаза полны слез. Я смаргиваю их ресницами и прерывисто вздыхаю. Игорь накрывает мою руку и, опустившись почти вплоты, шепчет мне прямо в ухо: – Я скучал по тебе, Лерочка...

– Игорь! – у меня все меньше и меньше сил сдерживаться. – Прекрати, прошу тебя! Это выше моих сил!

– Что прекратить, родная?

Он разрывал меня без ножа:

– Все это! – приняв вызов, я все же повернулась. – Ты возомнил себя Копперфильдом что ли? Исчезаешь... появляешься... появляешься и вновь исчезаешь. А я должна сидеть и в ладоши хлопать при каждом твоём появлении? Так, по-твоему?

– Лерка, маленькая моя! – его голос стал еще ниже с еще более бархатным оттенком. – Ты же знаешь, почему так происходит, и это также был и твой выбор. Мы оба знали, на что идем. Я же всегда верил в тебя и всегда стремился тебе как-то помочь.

– Иногда лучший способ помочь – это просто быть рядом, – прервала его я укоризненным взглядом. – Буквально на глазах человек становится уверенней и сильнее.

– Я пришел, чтоб ты стала сильнее...

– Спасибо. – Я снова отвернулась к окну. – А теперь уходи.

И не дожидаясь, пока он встанет, я соскользнула с кровати и босыми ногами наступила ему на ботинки. Он выпрямился, но не отодвинулся и безотрывно смотрел на меня сверху вниз. Чтобы унять возобновившееся головокружение и попытаться сохранить равновесие, я обхватила его руками за торс. Мы так и стояли, почти прижимаясь друг к другу, пока я вновь не нашла в себе силы отпрянуть и выбежала босыми ногами в коридор.

Больше в палату я не возвращалась.

Я вышла через коридор «лучшей клиники из всех, что видела в своей жизни». Все вокруг говорило об этом – картины на стенах, цветы, низкие диванчики, журнальные столики на мас-

сивных ножках, много света и солнца. Слева от здания обнаружился небольшой кафетерий, и я вдруг вспомнила, что с самого утра не пила кофе. Врач что-то говорил мне после «процедурок» по поводу давления, слабых сосудов и вреде злоупотребления данным напитком, однако две чашки в день были для меня вполне нормой. Да, и на самочувствие всегда сказывались положительно. Я остановилась у двери кофейни, и незамедлительно вошла. Аромат свежей выпечки диссонансом после запаха медикаментов обескуражил мое обоняние. Я заказала двойной эспрессо и присела за свободный столик. Народу было немного, по массе своей постояльцы «гостиничного комплекса» и их навещающие. Диалог за одним из угловых столиков был слишком уж печальный, чтоб оставаться незамеченным:

– Наверное, все дело в том, что между нами больше нет ничего общего, кроме детей и домашнего адреса, – негромко проговорил мужчина в серой тройке с редеющими на затылке волосами.

Дама напротив в хлопковой тунике с молчаливым бессилием не сводила с собеседника глаз. Ее светлые волосы были собраны в пучок и открывали гибкую шею; высокий лоб, резко очерченные скулы и огромные глаза. Огромные и тоскливые, вмещающие в себя всю вселенскую несправедливость. В романах таких женщин описывают примерно так: «Вся в слезах, заламывая руки, она кинулась к отцу». В литературе, вообще, по умолчанию принято скакать к отцу всякий раз, когда у мужа обнаруживается пара-тройка лишних детей от тайных браков или именная дисконтная карта почетного гостя местного борделя в честь его юбилейного посещения. Конечно, в романах всегда присутствует некий перегиб, – и эта женщина была не вся в слезах, а только по пояс.

“Какой все же забавнейший в своей жестокости сюжет”, – думала я, отпивая обжигающий напиток. А начиналось все наверняка так мило и прозаично: он и она, оба студенты или молодые специалисты, без особых перспектив и со скромными доходами, объединились в семью. Он работает, устает, света белого не видит. Вечерами сидит, уткнувшись в телевизор. Она тоже работает, попутно рожая, перемывая горы тарелок, поддерживая связи со своими друзьями, с его друзьями, с их родней и вообще со всеми. Вьет гнездо, обустраивает, выстилает пухом и соломкой. Годы идут, дети растут, гнездо превращается в клетку, в которой они проводят двадцать лет. И он начинает задумываться, какого черта его жизнь прошла, так и не успев начаться? Кто-то называет это кризисом среднего возраста, по мне, так обыкновенная трусость. Нет здесь никакого кризиса, – человеку попросту не хватает смелости разобраться в самом себе, и он начинает разрушать все, к чему он прикасается. Но вот однажды он начинает пахнуть чужими духами и стричься у дорогого парикмахера. Она делает вид, что ничего не замечает. В итоге все кончается катастрофой. Она ли его поймает на месте преступления, он ли признается, что встретил и полюбил, – в любом случае его благодарность за чистые носки, тарелки и полы не в силах заменить страсть, которую он называет «настоящей любовью». Теперь он начнет все сначала, и ей тоже придется покончить с прошлым, хочет она того или нет. Она расскажет эту историю подругам, некоторое время поживет, как зомби, а потом... потом может быть, что угодно: второй брак; жизнь для себя; приступ энтузиазма к работе; всплеск агрессивности или беспорядочные связи. Да, все, что угодно, в самом деле. А может и не быть...

Я замерла, наблюдая, как мужчина подносит к губам чашку с кофе. У него был очень знакомый профиль. Впалые щеки, низкий лоб, пухлые губы, слегка дерганые жесты и нервозная улыбка. Типичные черты эгоцентризма. Было заметно, как женщина, пытаясь совладать с собой, закурила. Мужчина удивленно посмотрел на нее и ничего не ответил.

Глоток обжигающей жидкости снова перенял мое внимание и изменил взгляд на окружающее. Я смотрела прямо перед собой и думала о том, что только что услышала и о том, каким хрупким оказывается счастье. Кто-то посылает тебе огромную любовь, а потом вдруг отбирает ее, нелепо и безжалостно. И люди продолжают жить дальше, без любви, сохраняя

«крепкие» семьи, ячейки общества, и смиренно прощая друг другу все выходки. Можно многое простить любимому человеку, даже то, что себе никогда не простишь. Я такая же абсолютно. Но недавно мне стало страшно. Бывает всякое, я понимаю, и какой-то один поступок не характеризует человека как личность и не изменит моего о нем мнения в целом, но любить его так же, как раньше я вряд ли уже смогу. И это не злость и обида оскорбленной души, как могло бы показаться. Это элементарное безразличие. Перед тем, как создавать что-то стоящее в своей жизни, я научилась именно ему. Это как в бизнесе – не получится добиться достойного уровня, если Вас постоянно «грызут» сомнения, и беспокоят результаты сегодняшнего дня. Преграды и искушения встречаются на любом пути и единственный выход не уклониться от курса – быть безразличным. Вы будете сталкиваться с бетонными стенами, прессами свыше тридцати килограмм на квадратный сантиметр и пулеметными очередями без предупреждения. И даже тогда, когда у вас наступит подъем, и отличные продажи будут будоражить вам голову, вы улыбаетесь, но опять принимаете безразличие. Вся сила – она в безразличии. Переступаешь и идешь дальше. И я переступила. В очередной раз. Ничего личного, как говорится....

– Где тебя носит, когда я так хочу тебя обнять? – сходу предъявил он, в дрифте преградив мне дорогу.

– С утра по зеркалу такие ужасы показывали, что мне пришлось задержаться, – улыбнулась я вместо приветствия, снимая кончиками пальцев с его скул капельки пота.

– Не экспериментировать больше с мытьем головы на ночь, – проговорил он, обхватив меня за талию и притягивая к себе.

Я скомкала рукав насквозь мокрой футболки и, миновав пальцами его вздутые мышцы трапеции и шеи, запустила их под влажные волосы на загривке. Он ответил нежно силовым приемом в районе поясницы, переместившим меня на сиденье четко между его ног и бензобаком. Я чуть отстранила его пятой точкой, занимая удобное положение для посадки и, воткнув передачу, открыла газ и покатила нас по площадке. Навыки вождения заметно снижаются, когда кто-то разгоряченным дыханием сзади вникает запах твоих волос и крепко прижимает руками. Но есть руки, которым позволяешь все. Почти все. Особенно если эти руки с фантазией...

Женщины в целом боятся изобретательных мужчин. Стоит раз поцеловать, наехав колесом на ногу, пореветь всю ночь прямоходами колыбельную в ее дворе, а потом заглянуть в окно предпоследнего этажа многоэтажной высотки, чтоб убедиться, что уснула, или украсть туфельку, чтобы носить ее как талисман, – сразу убегают. Ну, или истерику закатят. По привычке так. В любой непонятной, как говорится...

Женщины трусят сильных чувств, вот что я вам скажу.

Сила Макса была в риске. Знаете, есть такие мужчины, они существуют насмерть, горят и дымятся, – все как в последний раз. Если их долгое время не допускать до желаемого, они могут взорвать криво припаркованный в их дворе Range Rover, отдубасить празднично-питейное заведение в субботний вечер и совершить ещё много разных красивых глупостей. Однако прошу не путать данные характеристики с клиническим случаем, – между истинным риском и идиотизмом всегда была и будет огромная пропасть. Идиотизм в нашей жизни, к сожалению, превалирует, в то время как истинный риск – это, прежде всего, возможность, которая лишь на первый взгляд кажется безумной, но на самом деле она исключительно полезна, и учит изначально никогда не рисковать, если размер приобретаемого уступает тому, что стоит на кону...

Макс долгое время любил Лену. А она не любила его тягу к спорту. Правда, это произошло не сразу. Вначале, как и многие, она была им очарована, готова была на него чуть ли не молиться: о, Великий Учитель, о, Мудрый Наставник, о, Продвинутый Мастер, яви мне

свое внимание, и буду я счастлива – отныне и до конца жизни! И Мастер явил. Глаза Лены сверкали какое-то время, как две рюмки, наполненные текилой, но спустя несколько месяцев сожительств она начала беситься от безразличного «да-да, милая, да, дорогая, да, солнышко, конечно!» И еще больше от того, что на деле за всеми этими «конечно», он попросту ее не слушал, не воспринимал, и все время глядел куда-то сквозь нее. И даже совместно нажитое вдруг чадом никоим образом не повлияло на ситуацию. Потому что вольных зверей привязывать бесполезно. Их и любить-то не совсем безопасно, – чем больше любишь, тем сильнее они становятся. А когда совсем набираются сил, – убегаю, взбираются выше, потом еще выше, потом еще, и так до самого неба. Этим все обычно и заканчивается. Так что следует помнить, если позволяешь себе любить дикую тварь, будь готовым к тому, что в определенный момент только и придется, что смотреть в небо.

При первой нашей встрече зверь покорял новую высоту. Перегретый асфальт, запах отработанного бензина и ошметки жженой резины из-под колеса остро резонировали на фоне его легкости и концентрации. Напряженные мышцы, вздутые вены и абсолютный контроль над двухсоткилограммовой машиной. От всплесков его адреналина разбегались даже муравьи на площадке, что уж там говорить, а он тем временем просто напевал полюбившийся трек из обновленного плей-листа. Одержимость. Что может быть притягательнее? Он же был полностью в спорте, – в его ушах были наушники.

– Зачем тебе все это, Ника? – спросил он меня, отпаивая крепким чаем после усиленной тренировки и дебютного падения под ее окончание.

– Да, черт его знает, – пожала плечами я, стаскивая из пакета сдобное печенье перемотанной рукой. – Вечно ей что-то нужно, этой душе. Она потянулась, а я сопротивляться не стала.

Не сопротивлялась я, и когда он доводил меня до изнеможения, с усилием вбивая в мое сознание и моторику трюковую езду, как не стала сопротивляться, когда предложил совместный страндрайдинг по случаю показательных выступлений на открытом фестивале по мототренингу. Камасутру на русский, говорят, перевели еще со времен советских пионеров, и триста невероятно удобных поз (подарок индийских гимнастов) давно стали достоянием общности. Мы же в сжатые сроки притирок и тренировок добавили туда еще с десятков как минимум. Оттачивать их приходилось в режиме dead-line и не только на асфальтированной поверхности. Но, как известно, если два человека способны вдохновлять друг друга, лёжа в разных кроватях, то уж в одной постели они точно смогут договориться. Вступительные переговоры были недолгими. Ускорителем процесса к тому же сработал немало известный факт, – если приятный по многим параметрам холостяк живет в отдельном доме, у него сама собой заводится женщина. Из ниоткуда. Из красоты внутреннего романтизма обстоятельств, наверное. Как мышшь среди рассыпанной крупы. Не сразу, конечно. Иногда неделями приходится ждать, сходя с ума от желания. Зато потом просыпаешься с утра, – а она уже босиком в одной твоей футболке сооружает что-то на твоей заросшей мхом кухне и пританцовывает с ноги на ногу. О, знали бы вы, сколько разных смыслов вмещает в себя это пританцовывание в вашей футболке поверх обнаженного тела. Ох, знали бы...

Вечер внезапно превратился в ночь. Я вдруг почувствовала, что очень устала. Единственным желанием было снять туфли и закинуть повыше отекавшие за время дороги ноги. Выйдя, наконец, на воздух, я прижала ладонь к разгоряченному лицу и вздохнула. На улице заметно похолодало, изо рта вырвалось облачко пара. Не запахивая тонкий нейлоновый плащ, я подхватила чемодан и поволокла его за собой. С вокзала я добрался до Главной площади и столкнулась лицом с ее главной достопримечательностью – толпами горлающих людей, на которых никак не влияло даже то, что стояла глубокая ночь, дул ветер, было холодно и назавтра пред-

стоял рабочий день. Быстрым темпом, минуя это адово мракобесие, узкими улочками я вышла на нужный мне проспект. Заведение никак не изменился с тех пор, разве что на этот раз прямо у входа ужасно фальшивил длинноволосый саксофонист, окруженный теплым освещением и кризисом вдохновения.

Швейцар вежливо улыбнулся, широко открывая двери, и любезно приняв мою верхнюю одежду и ручную кладь, передал меня в руки не менее заботливой хостес. Я присела за один из любимых мной столиков и заказала бокал вина. С тех пор мало что изменилось. Лица официантов мне казались чрезвычайно знакомыми, в особенности того который, не уточняя какого именно вина хотелось бы отведать, тотчас же преподнес мне бутылку того самого сорта и того года выдержки, который я предпочитала. И непременно холодное.

Вино было превосходным. С каждым новым глотком я чувствовала, как по телу разливается тепло и блаженство. Уже давно я не испытывал такого умиротворения, просто смотря в окно. Меня, наконец, оставили равнодушие и усталость от мира, который существовал параллельно со мной, не совпадая с моими мыслями и моими желаниями. Ему было глубоко наплевать на мои мысли и желания, если уж по-хорошему. А я более не испытывала по этому поводу ни радости, ни грусти. Не думала о прошлом и не страшилась будущего. Видимо, время от времени все же очень полезно возвращаться туда, где ничего не изменилось, чтобы понять, как за это время изменился ты.

Матовая полоска touch cover лежала передо мной на столе, когда я вновь повернулась. «Управление по управлению всеми управлениями», – гласила визитка, подписанная хорошо знакомыми мне инициалами.

– Ты похудел... – заговорила я, поднимая взгляд на возникшего напротив собеседника. И буквально стала ощупывать его лицо глазами. Тщательно, медленно. Я почему-то несколько не удивилась его появлению. Без предупреждения. Через пять с лишним лет – как будто это было нормально. Как если бы я этого ждала.

Я сделала еще глоток и улыбнулась, он потянулся к пачке сигарет.

– Все утоляешь голод никотином? – поинтересовалась я, когда он слегка взволнованно прикуривал с рук официанта.

– Все больше нервы, – ответил он, выпуская стремительную струю дыма. – Для голода всегда есть кофе. С того момента, как мы разлучились, процесс поглощения пищи, бывший для меня когда-то священнодействием, превратился в малоприятное занятие, почти обязанность. Тогда кофе вошло у меня в привычку. Твоя привычка... в мою привычку.

– Тогда, по кофе? – снова улыбнулась я, опуская бокал на стол возле визитки. – Я голодна.

*

– Иными словами... – попыталась конкретизировать я, переваривая третье по счету американо с убойной дозой информации.

– Иными словами, – Рамир рывком прервал меня, сминая очередной остаток сигареты в переполненной пепельнице, – мне нужна моя муза. Та, что одна на всю жизнь. Как я и говорил тебе ранее. А хрустальному дворцу нужна своя королева.

– Иными словами, – я сделала глубокий продолжительный вдох, – кого-то снова нужно красиво кинуть. Кого?

– Лера... – отпрянул он от столешницы, неосторожным движением посыпался пепел на белоснежную скатерть.

– Ника, Рамир. Ника, – продолжила я, глядя на него чуть исподлобья. – Ведь это ты выбрал мне это имя в новом паспорте. Я пока все же не дала согласия. Хотя оно тебе вряд ли нужно, иначе ты не сидел бы сейчас напротив, да и ни это ли ты имел в виду, столь часто употребляя любимую фразу – мы себе не принадлежим?

– Лишний раз подтверждает, ни в название корабля дело, – выдержав паузу, он улыбнулся.

– Сколько бы имен у тебя ни было, под любым из них ты даешь сто очков фору, – я бросила ухмылкой.

– С джокером в рукаве вроде тебя это было не сложно. Нынче времена изменились, – он выдержал паузу чуть больше положенного и не сводил с меня глаз.

– Слишком много пустых слов, Рам, – муза, королева, навсегда..., – я срикошетила его посыл, демонстративно меняя ход действий.

Настал его черед глубоко выдохнуть: – Мне нужно извиниться перед тобой, Лерочка. И прежде всего, за то, что держал тебя в дезинформации. Но ты должна понимать, что это была крайне вынужденная необходимость. В тебе достаточно интеллекта, чтоб прокрутить всю комбинацию с той лишь разницей, что теперь ты знаешь, какова в ней изначально была роль Игоря. И что могло бы произойти, знай, ты ее до начала операции. Его фигура отработала строго сформулированную позицию и исключительно в заданном направлении, и завербован он был еще задолго до твоего появления в структуре.

Я снова сделала глубокий вдох. Нарастающая боль в височной зоне вновь напомнила о себе, оседая кисловатым привкусом на языке. Я влила в себя остатки недопитого кофе и прикрыла глаза. Остывшая горечь плохо спасала от приступов прошлого. От этих приступов вообще мало, что спасает. Разве что частная страховка. Для психлечебниц это – пропускной билет выживать из ума, сколько заблагорассудится и когда угодно. В том числе и после обеда в пятницу. В это же мгновение раздался сдавленный глухой треск. Я открыла глаза, не прекращая стискивать зубы, и, через силу разжав побелевшие пальцы, стряхнула на скатерть отколовшуюся ручку кофейной чашки. Между пальцев медленно поползла струйка крови. Рамир молча протянул мне салфетку. Я прижала ее к месту пореза и подняла на него глаза. Боль отступила.

– Мне тоже есть за что извиниться, – тихо заговорила я. – Я явно переиграла тогда в Rolls-е, вжилась, как говорится, в роль...

– Именно эта твоя роль мне и необходима, – тут же подхватил он с нотками знакомой теплоты в голосе. – Только в еще более концентрированной форме. Королевству нужна своя королева, как я уже сказал, и я не знаю никого, кто лучше тебя сможет справиться с этой ролью. Кто еще так искусно сможет, будучи на позиции управляющей должности, весело хохмить с сотрудниками, обсуждая текущие дела, потом в секунду под фактором телефонного звонка перевоплотиться в беспомощное создание, раздавленное обстоятельствами, и в этом образе убеждать партнеров повременить со сроками выплат.

Спустя еще мгновение жестко и властно отчитывать нерадивого подчиненного, а буквально через десять минут совершенно преображенная, с распущенными волосами, более броскими украшениями и расстегнутыми верхними пуговицами на блузке выпорхнуть из офиса за очередной «жертвой по бизнесу». У меня бы кукушка съехала за такое количество ролей в течение одного часа, честное слово. Тебе же подобные перевоплощения даются мгновенно и в зависимости от обстоятельств. При этом ты особо не заигрываешься ни с одной из них, сохраняя верность себе, хотя, право, я и сам порой терялся, кто же из них – истинная ты.

– Я и сама в этом терялась, – на выдохе проговорила я, – время от времени...

Может, потому что убеждена, женщина должна заниматься только тем, чем ей искренне хочется. Обязаловка, как известно, приводит к переутомлению и нездоровому цвету лица. А может, и потому, что привыкла нырять с головой, если сложности неминуемы, и выплывать во что бы то ни стало на другой берег. Возможно, еще благодаря этому со временем пересташь воспринимать физическую боль, воспринимать всерьез. И совершенно не стыдишься, когда тебя сбивают с ног.

Картина с госпитализацией снова вспыхнула перед глазами. Машина скорой помощи, распахнутые с громким стуком дверцы, табличка «Терапевтическое отделение». Медбрат, заполняя бумаги, что-то спрашивал, мне было трудно ответить. Тяжелые веки отказывались подчиняться. Я будто снова почувствовала эту грань провала...

– Так какова схема на этот раз, Рамир? – озвучила я уже вслух, стяхивая ватные мысли. – Классика не выходит из моды?

– Есть тут одна «конторка», – чуть смущенно начал он, – не совсем чистоplotная в документах. Апелляция на рассмотрение уже подана, «клиент» – в статичном положении под девяносто градусов. Остается перевести остатки средств с счетов в наш банк, прикрепить к холдингу компаний и проводить легкие финансовые операции по мере необходимости. Все благородно, вежливо и, непременно. Фискально чисто.

– Далее объединяем компании, подписываем договор через банк, (нефтянка выступает гарантом) и выкупаем активы всех этих компаний, – подхватила я его на полуслове.

– Талант – он и есть талант, – довольно резюмировал он, – только на этот раз, прошу, без кардинальных импровизаций.

– Рам, ты же знаешь, я не нарушаю правила, я лишь играю по своим, – я вежливо улыбнулась. – К тому же, нет такой крепости, которую не возьмет ишак, груженный золотом, не правда ли?

– Кстати, о золоте, – сделал он акцент на последнем слове. – Мне со временем нужно будет избавиться от всех своих действующих активов.

– Это то, что я подумала?

– И это тоже.

– Что ж...

Я жестом позвала официанта и в очередной раз заказала американо.

«Dietro ogni donna di successo c'è ... una notevole quantità di caffè», как сказал один из великих. За каждой преуспевающей женщиной... значительный объем выпитого кофе.

«Что умерло, пусть остается мертвым, – думала я, поднимая чашку для скрепления договора. И я надеюсь, что «прах, в прах возвратившись», даст плодородную почву живущему ныне...»

Я медленно повернула ключ. В квартире было так тихо, что любой звук казался гораздо громче, чем был на самом деле. Стук каблуков и хлопок закрывшейся двери гулким эхом отскочил от стен.

Пахло кальянным дымом и цитрусами. Я на цыпочках прокралась в ванну и открыла кран. Мне доставляет некое удовольствие смотреть на льющуюся воду, бесконечность этого процесса сродни движению жизни, – напористо, перемененно и может прекратиться одним поворотом чьей-то руки.

Дверь резко отворилась, и, опираясь руками в проемы, на пороге стоял Максим. Он как-то встревожено смотрит на меня и открывает рот, в явном порыве сказать что-то важное, но в итоге произносит лишь: «Прости, что я без приглашения».

Я несколько теряюсь, делаю шаг в его сторону и, смущенно улыбаясь, осторожно беру его за руку и сплетаю свои ледяные пальцы с его обжигающе горячими. Блестящие глаза спокойно и ласково смотрят на меня. Я чуть поворачиваю голову, прижимаясь еще ближе и дышу в маленькую ложбинку между его ключицами.

– У тебя такие красивые волосы, – низко заговорил он вибрациями в груди. – Так и тянет накрутить их на палец... Сколько получится оборотов? Давай попробуем... Пять с половиной, почти шесть... Как у сложного замка, дополнительные пол-оборота – для блокировки. И медленно опустив кончик локона вниз по плечу, он чуть наклонил голову и прижался щекой к моему лицу. Сразу стало тепло и уютно, стало невероятно трогательно. Я приподнялась на цыпочки, как балерина, и, чувствуя, что теряю баланс равновесия, успела обхватить его руками за торс.

– Что за предпосылки неустойчивости? – удивился он, подхватывая меня под локти.

– У меня от тебя не то, что голова кружится, – стрелки на чулках сами собой разъезжаются и помада размазывается... – улыбнулась я и слегка прикусила нижняя губу.

Превосходно физически сложенный, незаурядный, как Джонни Депп и такой же нужный в хозяйстве он перешел мою жизнь в опасном месте. Рост средний, брюнет, глаза глубокие, не женат. Я даже боялась прикоснуться к нему по первости, а когда это произошло, думала, сойду с ума от желания. Он занял большую часть мыслей в моей голове, и мне не хотелось говорить ему "прочь". Он стал для меня особенным, не таким, как все. Я много наблюдала за ним и с каждым разом убеждалась все больше, что мы, женщины, оказывается, очень мало знаем, а чаще и совсем не знаем любовный строй утонченной мужской души. Неоспоримым фактом оставалось лишь то, что только тот, кто достаточно мужчина, способен освободить в женщине женщину.

Это ведь была обычная среда. С утра я успела уладить некоторые текущие дела, посетовать в кофейне с чрезмерно общительной пожилой дамой о непогоде, поработать с текстом, постоять в пробке, прослушать новую музыкальную подборку, снова выпить кофе и так дотянуть до времени вечера, в которое записалась на тренировочную площадку. Мысль об освоение двухколесного транспортного средства возникла спонтанно, как и много в моей жизни, и буквально вчера. Час изучения в сети образовательных учреждений по данному направлению, пара удобных по месторасположению, один телефонный звонок и старые кеды в багажнике тут же привели мою мысль в исполнение.

Нет, та среда не была обычной, как могу я смело заверить теперь. В том красивом и наглом лице, представившимся моим инструктором, было что-то загадочное и привлекательное. У него были крепкие ладони, карие глаза, и пахло от него каким-то знакомым ароматом. И он был необычайно внимательным и на удивление доходчиво объяснял. Не вспомню, когда в последний раз мне было настолько интересно слушать, и тем более, – хотелось понимать. Я внимала, как губка.

– Отжимать нужно еще медленнее, тогда глхнуть не будешь, – прокомментировал он и накрыл мою руку своей, чтобы продемонстрировать.

Меня пробрало будто током, но понимание пришло мгновенно. После удачной попытки, я на радостях чуть не снесла разделительный конус и, снова заглохнув, разложились прямо по центру площадки.

Я, наверное, слишком люблю боль – свою или чужую, – размышляла я, пока мне заботливо перематывали вывихнутое запястье эластичным бинтом. Маленькие инъекции боли – они же, как укол эндорфина прямо в сердце, действуют быстро и безотказно. В этом и была наша с ним неоспоримая схожесть, как выяснилось позднее. Макс то и дело загонял себя физическими тренировками, пытаясь заглушить постоянную душевную боль кратковременной физической. В движении сгорает не только топливо. Человеческие эмоции горят не хуже...

*

«Любовь нельзя ни искусственно вызвать, ни развить, ни убедительно изобразить. Она возникает по воле судьбы, а не по воле разума...»

Я осторожно взяла лежавшую поверх остальных изданий книгу и раскрыла ее на произвольной странице. Я любила рассматривать по утрам его книги, пока он спал. Книги. Только подумать, – в наше время электронных библиотек и онлайн публикаций еще кто-то предпочитает бумажные. Я листала потрепанный томик в мягком переплете, выхватывая оттуда отдельные фразы, и время от времени бросала виновато-шкодливый взгляд в сторону спящего Макса. Для меня это сродни вторжению в интимный мир – пролистывать чужие книги, – они могут сказать о человеке гораздо больше, чем его биография. И как выяснилось, мы с Максом были близки не только в постели. С каждым разом, листая его книги, я все больше задумывалась о том, как можно описать нашу связь. У нас было что-то вроде договора. Да. Это, видимо, самое подходящее слово. Я встретила его, мне было с ним интересно, я чувствовала себя в безопасности. Мы обнимались, целовались, занимались любовью. Я посещала его тренировки время от времени. У нас была физическая близость, которая ни к чему не обязывает. Связь без привязанности. Я вряд ли смогла бы ранить его своим уходом, он ничего мне не обещал, и уходя, я не испытывала чувства вины. Это был не союз, а договор, не предполагающий взаимной ответственности. И доверия. Хотя во многих трюках я доверяла ему свою жизнь. Но во всей парадоксальности ситуации к союзу с ним я все же никогда не стремилась.

«Счастье делает нас уязвимыми...», – я стояла под душем, закрыв глаза, и будто слышала тихий голос из прошлого, настырно шепчущей мне на ухо: «Тебе сразу становится есть, что терять».

Меня вдруг отчаянно затрясло. Я оперлась вытянутыми руками о стену и, низко опустив голову, глубоко задышала. Капли монотонно долбили в затылок, скатываясь по волосам. Я втягивала в себя воздух как загнанный скакун, открывала и закрывала рот, вздыхая и балансируя на грани безмолвного крика. Но не заплакала. Ни разу...

Я не знаю, существует ли предел выносливости, приходящийся на долю одного человека, но говорят, нам отпущено ровно столько, насколько достаточно сил.

– Мне сегодня приснилось, что ты станешь скучным, – заговорила я, когда что-то прохладное и нежное прикоснулось к моему плечу. Лишь после того, как всем телом я ощутила его присутствие, а его горячая рука обхватила меня за живот, я открыла глаза и увидела перед собой красную орхидею. – Ты бросишь спорт, купишь дом, посадишь дерево. Я рожу тебе сына. А ты вдруг приносишь мне цветок... – я прижималась к нему спиной, а он держал меня в крепких руках и осыпал поцелуями мои мокрые плечи, будто вкладывая в каждый из них некий потаенный смысл, который я никак не могла ухватить.

Все это его чертovy наркотические губы. – Не делай этого, прошу тебя, Макс. Не надо. Я все равно не смогу полюбить тебя сильнее.

Хотя он об этом и не просил...

Огромный зал московского Шереметьево-2 встретил меня длинной очередью на паспортный контроль. Там-то я и ощутила сначала волнение, а потом беспокойство. Оно пришло внезапно и не оставляло, как докучливая икота в ожидание момента, когда мне предстояло предъявить паспорт человеку в форме. Симпатичная женщина в форме – круглолицая, как на

иллюстрации к русской сказке (без кокошника разве что), дружелюбно улыбнулась и незаметно поправила прическу, когда я посмотрела ей в глаза, а потом положила мой раскрытый паспорт на какое-то считывающее устройство. Она не собиралась снимать у меня отпечатки пальцев, не сканировала сетчатку глаза и не расспрашивала с пристрастием, «почему и с какой целью я прилетела». Она лишь пожелала мне «всего доброго» и вернула паспорт. Как это ни странно, но именно эта женщина-пограничник за пуленепробиваемым стеклом дала мне понять, что я для нее не только номер паспорта и визы, пусть и не совсем подлинный, и что, невзирая на ряд предстоящих сложностей, я все же вернулась домой.

– Бумажная волокита немного затянулась, Лер, но переоформление уже на финальной стадии, – Рамир встретил меня как всегда радушно и тут же усадил в кресло в своем новом офисе, окна которого, как легко можно было догадаться, выходили на главный вход в здание. Он непременно наблюдал за приездом тех или иных лиц, как с обзорного пункта, – тактика, привычка, старая школа – (называй, как хочешь) вторая натура. Не был и исключением Rolls-Royce Phantom неизменно черного цвета, из которого менее десяти минут назад в сопровождении его доверенных лиц, почти синхронно открывающих дверцу, подающих руку, распахивающих над головой зонт и прикрывающих спину вышла молодая особа в удлиненном бежевом пальто менее суток назад прибывшая в столицу.

– Рад, что ты все же уложились в кратчайшие сроки и прилетела заявленным рейсом, – радушно приветствовал он. – Я не прогадал, кстати, с предоставленным транспортом?

Я мягко улыбнулась: – Ты же знаешь, есть вещи, которым приятно хранить верность. Вневременное исполнение стиля класса люкс современного автомобилестроения – одно из них.

– Я рад, – довольно отозвался он и расположился в кресле, напротив. – Честное слово, рад.

– Тогда мы можем перейти к делам, – тактично перебила его я. – Ты серьезно полагаешь, что юрист, ходатайствующий это дело, скончался в самом пике действующего процесса от сердечного приступа? И это на сорок первом году его жизни?

– Ты считаешь иначе? – он посмотрел на меня с неким подозрением. – Процесс в любом случае продолжает двигаться в заданном и единственно возможном для него направлении, лишь в чуть замедленном темпе в свете последних событий и передачи бумаг.

– Я ничего не утверждаю, но подобная задержка может играть кому-то на руку и совсем не слабо играть. Тебе ли не знать цену времени.

– Ты кого-то подозреваешь?

– Пока никого, – я безразлично пожала плечами. – Я не совсем еще в курсе дела. Хотя один из твоих сопровождающих вызвал у меня не двусмысленную реакцию.

– Ребята из охраны? – с нескрываемым волнением встрепенулся он. – Кто там что натворил?

– Ничего особенного. Просто один из них был явно больше других рад меня видеть, а ты знаешь, что я не доверяю людям, способным искренне улыбаться в восемь утра, тем более с подобной профессией.

– Пашка! – Рамир засмеялся в голос. – Я почему-то не сомневался, что он поедет собственноручно. В свете последних событий мы с ним полностью сменили состав персональщиков, он же остался, несмотря ни на что. Сама знаешь, более компетентного и доверенного человека в данном вопросе вряд ли можно еще найти.

– Приятно осознавать, что старая гвардия все еще жива, – снова улыбнулась я. – И пахнет по-прежнему не по поверхности, как я полагаю.

– Без тебя все равно должной глубины не получается, – продолжал он увеличивать дозу ванили в общении.

«Мужчины, как правило, возводят женщину на пьедестал, чтобы потом пнуть ее оттуда. Без пьедестала эффект был бы уже не тот...», – вспомнилось мне, как ни кстати. «Но раз

уж кто-то выстраивает игровую стратегию, то кому-то определенно необходимо вести счет. Почему бы и нет, собственно говоря. Почему бы...»

– Все это очень мило и трогательно, Рам, – выдержав паузу, заговорила я и глубоко посмотрела ему в глаза. – Однако хватит уже любезностей на сегодняшнее утро. Введи меня, пожалуйста, в курс дела. Мне нужен полный объем информации.

*

– Ты все же постарайся без кардинальных методов, ладно? – подытожил Рамир под конец своей речи.

Шел четвертый час нашей беседы. Голова дымилась, но просила не останавливаться. Сколько же я упустила за это время, сколько теперь предстоит наверстать. Это как изголодавшиеся по нагрузкам мышцы, – деревянные, но память осталась. Возвращаются в форму лишь благодаря четкому комплексу упражнений. Мозг – та же мышца, и не надо уповать на природные данные.

– Какие кардинальные методы? – искренне изумилась я. – После того, как полностью подготовят пакет документов, и они будут подписаны, начнется «война». Тебе лучше меня это известно. И после этого юриста, так некстати докопавшегося до истины, они будут искать других козлов отпущения, и подобных, не совладавших с собственным сердцем или другим каким-то своим внутренним органом, может стать очень и очень немало.

Про подставные летящие крахом компании можно вообще умолчать, не так ли?

– Так-то оно так, – с тяжестью выдохнул он. – И поверь, мне эти отсрочки тоже на руку не играют. Но у меня к тому же еще и руки связаны, – я не смогу сейчас влезть в это пекло, стоит только раз засветить там свою фамилию и, вся предвыборка полетит к чертовой матери. Я полностью полагаюсь на тебя. Мне больше некому это доверить. Более того, я не сомневаюсь, что ты справишься, несмотря даже на достаточно длительное отстранение, только у меня к тебе единственная просьба, Лерочка, – не руби с плеча.

«Как удобно, черт возьми. Как же удобно... Принимайте с почестью ношу, возложенную на вас государством, и оно будет помнить о вас, когда вы снова ему понадобится».

– Разве я когда-нибудь рубила с плеча? – усмехнулась я, гася в позе нарастающие нотки сарказма. – Я рубила голову с плеч. А с подобными пиндосами иные методы не работают.

И в знак восприятия замечания и законченности его обсуждения, я пустила блуждающий взгляд по столу. Рукописная бумага отчего-то бросилась мне на глаза. Кто был ее автором, не оставляло сомнений. Я смотрела на его почерк – равномерный, округлый, совершенно без наклона – явный признак гармонии ума, эмоций и не принятия опрометчивых поступков. Чего о себе я с уверенностью пока сказать не могу, хотя с некоторых пор почерк мой тоже несколько изменился.

– А отношусь я ко всем уважительно и хорошо, ты же знаешь, – продолжила я тем временем, выжидая момента для поднятия глаз. – Так ведь проще понимать, кого не жаль потом уничтожить...

... ведь иногда довериться кому-то в очередной раз, – это все равно, что дать вторую пулю тому, кто первый раз в вас не попал, лишь потому, что промахнулся. И не существует большего сожаления о поступках, чем о тех, которые совершаешь во благо других.

«Ваши трусливые глаза неприятны богам.
Ваши рты раскрываются некстати.

Ваши носы не знают вибрирующих запахов.
Ешьте суп – это ваше занятие»

Серый рассвет разбавил густую мглу. Я стояла на открытом балконе в безразмерном махровом халате и, упираясь руками на парапет, медленно перелистывала карманный сборник стихов. Каким образом он оказался в этом люксовом номере, снятом далеко не с целями духовного окультуривания, для меня оставалось загадкой. И, не скрою, приятной утренней неожиданностью.

Гостиница постепенно пробуждалась. В коридоре захлопали двери, зазвучали обрывками разговоры, зажужжали пылесосы, послышались шаги. Я вдруг почувствовала голод, – впервые за последние дни. Упускать такой момент было бы жутчайшим вероломством. Я положила на столик недочитанное издание раскрытыми страницами вниз и вернулась обратно в комнату. Подхватив свое платье со спинки кресла, я прошла мимо распростертого тела на гостевом диване, переступила через пустую бутылку из-под джина и прочий бардак на полу. Там же рядом, на мятом пиджаке, нашла свои туфли и отправилась в ресторан. Проходя мимо стойки рецепции, легким кивком я поприветствовала администраторов, обе девушки мне улыбнулись мне в ответ.

Ресторан был полон. Официантки звонко стучали каблучками по паркету, проворно обслуживая посетителей. Я села за столик неподалеку от белого рояля. Молодая девушка в черном вечернем платье играла на нем песни из репертуара Синатры. Живая, не в записи, фортепьянная музыка за завтраком, – что может быть восхитительнее! А потом я медленно наслаждалась будничностью: ароматом кофе, вкусом ржаного хлеба с творогом, статьей в газете. После третьей чашки я вдруг заскучала. Неожиданно так и сильно. По Максу. Он, как воздух, которым дышишь, – его нехватку ощущаешь, наверное, только в безвоздушном пространстве. А благодаря ему, наверное, мне было до сих пор, чем дышать...

В мое отсутствие в номере побывала горничная: на столике под зеркалом снова появилось блюдо с фруктами и бутылка красного вина, в вазе – свежие тюльпаны, а вещи были собраны с пола и отправлены не иначе, – в химчистку. Тело по-прежнему находилось на диване все в той же не совсем естественной позе, и лишь редкое прерывистое дыхание выдавало еще причастность его к физиологическому существованию. На деле же это был уже полутруп.

Я расположилась в кресле напротив и не без должного отвращения принялась рассматривать типичный с виду субъект мужского пола. Средний рост, не редеющая пока растительность местами пепельного света, просматриваемый еще мышечный каркас, сквозь нарастающую трудовыми буднями солидность, счета в известных банках (под чужими именами, разумеется) позволяющие прокутить за вечер годовой бюджет Камбоджи, в меру оружий, безмерно пьющий и выращивающий в доме два биологических вида: жену-человека и трясущийся выкидыш кинологии. Впрочем, тряслись они обе, причем синхронно и гармонично, когда генерал-майор семьи само утверждался на особенно высоких частотах, потому как орать считал долгом чести, искренне веря, что, если начальство не орёт, уйдет страх, а вслед за ним и уважение. И тогда добру нипочём не победить. Одним словом, посмотришь, – так добродетель во плоти, миллионы восторгов, а заглянешь в душу – обыкновенная мразь.

«Я купил эту шлюху только потому, что я шопоголик, дорогая», – так и вставала перед глазами картина фронтовых столкновений на почве разоблачения (об этом мы между делом позаботились тоже). Хотя ни для кого не секрет, что любой «семьянин» в тайне или же прямым

текстом мечтает напиться, сесть не в тот самолёт и чтоб наутро грудастая мулатка гладила его пальцем по щеке.

Мулатку не сдюжили, – уж простите, габариты подкачали, а вот официантка из разъездного кабаре получилась фактурная. Черный лифчик, тесно обхватывающий загорелую грудь, туфли на высоких каблуках, на бедрах короткая черная юбка с маленьким белым кружевным фартучком. Красная кружевная подвязка, шелковые ленточки, сердечки, цветочки и тому подобные «милые штучки», черные или даже белые. Для оформления фасада лица для пушей убедительности и в чрезвычайно быстром темпе пришлось применить технику широкого мазка. В живописной манере представили обобщенный контурный рисунок, условная упрощенность символов, яркая звучность отдельных цветовых пятен и базовый принцип модернизма «Много туши не бывает!»

– Господин директор прислал меня спросить, не нужно ли вам чего-нибудь, – пролепетала эта улыбающаяся девушка на ломанном английском и кокетливо облизнула губы, когда дверь отворилась и по ту сторону номера возникла фигура, едва стоявшая на ногах. Для осведомленных людей не новость, что в рамках мировых соглашений «господа – директора» берут на себя обязательства в предоставлении постоянным и почетным гостям помимо номера, еды, напитков и лимузина, дополнительный бонус в виде столь специфического понимания законов гостеприимства.

– Нужно, и еще как, – ответил он, улыбнувшись, и отметив в ее обеих руках по бутылке шампанского, широко распахнул дверь.

Входя, она чрезмерно вульгарно завилыла задом, передвигаясь на чудовищно высоких шпильках как на котурнах. Он сразу же сел на диван, а она, забросив ногу на ногу – на столешницу дубового письменного стола у окна. Посмотрела на него недоверчиво, затем соскользнула со стола, демонстрируя под юбкой нижнее белье, и открыв одну из принесенных бутылок, сделала пенный глоток прямо из горла и переместилась к нему на колени. Далее ей потребовалось пара секунд, чтоб всадить ему в шею иглу и отшвырнуть от себя обмякшее тело. Затем она неспешно открыла мини-бар, извлекла оттуда все бутылки с минеральной водой и позвонила на ресепшн. Трубку на той стороне провода сняли незамедлительно.

Сейчас она сидела по-прежнему молча и все с тем же выраженным отвращением смотрела уже куда-то сквозь тело, напевая внутри себя мелодию, услышанную за завтраком. До отправного времени оставалось еще минут десять. Вполне достаточно, чтобы обратиться к себе. И запрокинув голову на спинку кресла, она прикрыла глаза, и понизив голос на несколько октав, добавляя ему тем самым легкой джазовой хрипотцы, замурлыкала «summer time». В четко отведенное время, она резко открыла глаза, прерывая себя на полуслове, и, стремительно встав, вышла из номера. Удалялась она, не оглядываясь. Пожалела лишь об одном, – что не успела прихватить с собой недочитанный томик стихов.

– Я больше не люблю тебя. Что в этом странного? Ничего не случилось, – жизнь случилась. Такое часто случается, – я ухмыльнулась краешком губ и безразлично пожала плечами. – Я больше не думаю о тебе ни утром, ни ночью, не просыпаясь, не засыпая, ни в тишине, ни даже под музыку, – никогда. Если бы ты сообщил мне сейчас, что полюбил другую женщину, если бы набрался на это смелости, я бы просто улыбнулась и задумалась о вас с ней. Только нет никакой смелости, как и нет никаких вас с ней, и нет никакой женщины. Дело не в этом, – в жизни есть вещи гораздо большее измен. Но теперь даже это не важно. Теперь я вышла из игры. Все, что я чувствую к тебе, – легкое волнение от голоса. Твое лицо мне по-прежнему нравится.

Оно все так же неповторимо и удивительно для меня. Почему тогда я не люблю тебя больше? Да, все просто: пять лет подряд я таскала тебя в своей душе, по дорогам, залам, квартирам, вагонам. Я не расставалась с тобой ни на секунду. Считала часы, ждала звонка, лежала, как мертвая, если звонка не было и, подрывалась ошпаренной, когда слышала твой голос в трубке. Всё, как все. Но все-таки не всё. Ты ведь первым перестал меня любить. Если бы этого не случилось, я бы до сих пор, наверное, тебя любила, потому что всегда люблю до самой последней возможности. Сначала ты оставлял меня на недели, потом на месяцы, потом на годы, а потом и вовсе исчез. Так случилось, ты первый забыл, кто я. Но я тебя не виню, и не осуждаю, – ты просто не справился, – я вновь ухмыльнулась. – Так просто случилось...

О, сколько же раз я мысленно прогоняла этот монолог про себя в надежде, что однажды он таки дойдёт до своего оппонента. Но всему свое время, как известно. К тому моменту, когда это время настало, продукт был уже не то, что холодным, он был явно перемороженным. Тот самый момент, когда есть столько всего сказать, а говорить уже не о чем. Или не за чем...

Только у времени всегда свои планы на подобного рода счеты, – координатные графики наших жизней снова пересеклись, как всегда в самой неожиданной точке. Я пребывала в секундной растерянности, он – в замешательстве. Нервные улыбки, кроткие кивки. Его анфас все так же приятен для глаз, а рукопожатие на ощупь. Голос бархатными нотками одурманивал восприятие, а глаза выдавали вселенскую потерянность.

– Гармония – это, прежде всего, соответствие амбиций и достижений, в том числе и личного характера.

– А может все дело в характере? – предположила я, когда мы, наконец, смогли уделить друг другу личное время, после внезапного столкновения в приемной аппарата президента и медленно прогуливались вниз по городским улицам. – Ты не задумывался? Или снова сведешь все на то, что звезды не сложились?

– Я, кстати, давно подумываю спросить у Альфы Центавра, почему в мире нет гармонии. Особенно в отношении меня, – напуская задумчивости, проговорил он.

– Потому что ты – говно! – ответила я галактическим басом.

– Это прекрасный ответ, – без тени улыбки среагировал он, – многое объясняет.

– Искренность всегда умела творить чудеса, – чуть улыбнулась я в попытке подавить накрывающую тоску. – Ты разве не знаешь?

– Знаю, – ответил он в том же тоне. – Убивать ты тоже всегда умела искренне – с размахом и от всей души.

– Но никогда не нападала первая, – проговорила я тихо-тихо, почти самой себе, и заметно сбавила темп. Он не остановился, будто и не замечал, что я остаюсь позади. Все как в жизни, черт возьми. Я полностью остановилась, обхватила себя руками, и, подняв голову на пестрящие вывески фасадов зданий, снова заулыбалась. От любви до ненависти один шаг, говорите? Я вас умоляю, нет там никаких шагов. Есть привязанность, отпустить которую невозможно. Она проходит сама, когда ты перестаешь искать себя в ком-то.

– Так уж во мне ничего и не было? – спросил он, когда обнаружил мое отсутствие и нашел меня голосующей на тротуаре дороги. – Почему тогда ты столько времени была рядом?

Основная прелесть перенаселенного мегаполиса – в скорости восприятия. Некогда серебристый, а теперь весьма потрепанный «Форд Фокус» тут же переместился ко мне со среднего ряда, стоило только поднять руку.

– Самым интересным в тебе была моя любовь, – проговорила я, рывком открывая помятую дверцу. – А теперь и вовсе ничего не осталось.

Он потупил на меня взгляд и заговорил лишь, когда я водрузилась на засаленное тряпочное сидение: – Артемка про тебя все время спрашивает...

– Я тоже по нему сильно скучаю, – ответила я, сжимая рукоятку, но, все еще не закрывая дверь.

– Лер...

– Нет, Игорь, – я сжала ручку еще сильнее и чуть заметно покачала головой. – Мы свой выбор уже сделали. И любовь к стране у нас у обоих оказалась куда сильнее, чем друг к другу. До встречи на передовой.

Дверь ни без усилия и с жутким грохотом захлопнулась. В том числе и между нами. Дверям свойственно закрываться. Им даже свойственно срываться с петель при неосторожном использовании. Но как гласит восточная мудрость: если одна дверь захлопнулась, то в этот момент определенно где-то открылась другая.

Первый этап соревнований был назначен на апрель. Заявки, страховка, регистрация, – как всегда все в режиме аврал и натянутых нервов. Помимо непосредственно подготовки к выступлению требовалось урегулировать массу бумажных вопросов, некорректностей в выставленном регламенте и спорных моментов по классу квалификация. Неофициальность любого вида спорта всегда подразумевает под собой тонкости организации и шероховатости судейства. На сегодняшний день ФИМ так и не удосужилось открыть данному виду мотоциклетной езды зеленый свет, оставляя его не более чем прикладной дисциплиной, в то время как по зрелищности он уступит разве что каскадерским постановочным трюкам.

Специфика подготовки у Макса всегда была импровизационная. Изматывающие тренировки по пять часов в день, абсолютно не зависящие от времени суток, постоянные синяки и ссадины и дороги общественного пользования, как площадки для отработки и получения пристальной дозы внимания. Езда на переднем колесе, стойки, вращение, контролируемый занос, – весь этот стандартный набор, несомненно, вызывает массу эмоций и восхищения, тем более в свойственной ему легкости и почти танцующей манере исполнения. Однако на этот раз он припас для зрителей нечто поистине фееричное, придав выступлению еще большей акробатичности, и расширив тем самым границы себя, а вместе с тем и любимого спорта. Подлинное соревнование – это, прежде всего, соревнование с самим собой, а самый опасный соперник – та личность, которой ты был еще сегодня с утра. В этом и кроется единственный закон развития, и не надо здесь проникновенный речей о таланте и возможностях. Так было и так будет всегда. Именно поэтому победителей не судят.

Победу данного характера Макс одержал еще задолго до чемпионата.

*

В то воскресенье я не полетела в Берлин. Я отменила все свои договоренности и солгала компаньонам, ожидавшим моего прибытия, что серьезно заболела. В некотором смысле это была не искаженная правда. Чем еще, если не болезнью, можно объяснить тот факт, что я вдруг ослепла, оглохла и разучилась рационально мыслить? А еще потеряла ощущение времени и была безмерно счастлива. Так ведут себя только больные люди, не иначе.

Я пробиралась сквозь толпу восторженных фанатов к самой трибуне. Его фамилия прозвучала под номером одиннадцать, и неизменного его боевого товарища кислотно зеленого цвета я вряд ли бы спутала с кем-то еще. Оба взвинченные и перегретые они стояли по центру площадки, прекрасно понимая, что сулит им выступление и реакция непритязательной публики, еще до того, как будет озвучено суммарное количество очков. Адреналин, как известно, обостряет все виды чувств, – восприятие спинным мозгом, видимо, входит в их число. Как только я достигаю первого ряда глазееющих, он резко оборачивается и смотрит на меня в упор.

Я замираю как вкопанная, чувствуя, что сердце забухало теперь где-то у горла, и будто под гипнозом не могу отвести с него глаз. Он смотрит. Он выжидает. Нет сомнения, что он узнал меня с первой же секунды, как увидел, однако я не решаюсь ступить. А он продолжает смотреть. И выжидать. Затем дважды вскидывает вытянутыми руками в стороны (сколько раз я видела этот жест на площадке во время наших с ним тренировок) и призывно кивает головой. Не знаю насколько это позволительно правилами, хотя дисквалификация мне явно не грозит, поэтому, немедля ни секундой больше, я перескакиваю через ограждение трибуны и бегу в его сторону. Еще каких-то пара метров, пара недосказанных фраз и несколько месяцев разлуки и, я запрыгиваю на него, сильно обхватив ногами жесткий каркас черепахи. Он крепко прижимает меня неопределенными перчатками и улыбается пока что одними глазами. Я снимаю с него как всегда не застегнутый шлем. Мокрые всклокоченные волосы, струи пота по вискам, синяки под глазами от кислородной недостаточности и безграничное блаженство усталости на лице, – что еще может настолько преобразить мужчину, как не последствия полученной одержимости. Я жадно целую его: – Чемпион! Мой чемпион! Я всегда это знала. Теперь об этом знают другие.

Мы вернулись к Максиму далеко после полуночи и нетерпеливо занялись любовью прямо на полу возле дивана. Он даже не успел снять с меня большую часть одежды, как часто любил это делать. А потом на балконе мы пили шампанское за его триумф прямо из бутылки и смотрели на звезды. А потом, в одних наушниках, согревали друг друга на диване ладонями и губами и слушали музыку, которую выбирал непременно он. А в кровати лежали, обнявшись, и никак не могли наговориться.

– Куда ты исчезла, Ника? – срезонировал он грудным тоном.

– Ездила в Москву грустить, – отшучивалась я, не прекращая примерять свои пальцы к его сильной ладони. – Думала, буду бродить, жалеть себя. Может, напьюсь...

– Не вышло? – ухмыльнулся он.

– Вышло, – почему же! Только заскучала быстро. Одиноко стало невыносимо.

– Одиноко? – ядовито изумился он. – Что я слышу? Возле тебя всегда вьются стаи дыхателей.

– А вот здесь ты зря ерничаешь, – я придала голосу мягкие нотки серьезности. – Одинокими очень часто становятся те женщины, которые соглашаются на первого же кандидата, чем те, кто тщательно подбирает партнера. Для романа ли, брака, приключения или просто для шекспировских страстей. Законы механики, знаешь ли, работают не только в ремонтном отсеке гаража. Несовместимые детали нельзя соединить в долговременную, работоспособную и надежную систему. И если не выбирать того, кто тебе подходит, можно отхватить сбой системного функционирования или по-простому, затосковать.

– И ты, выходит, затосковала? – уточнил он, передавая голосом свою улыбку.

– Выходит, что так, – я улыбнулась в ответ.

– По чему только – вопрос...

– Да, по всему вместе, – я осознанно нагнетала сарказма. – По твоей заикливости на собственной персоне, по зависимости от успеха, по эмоциональному вакууму, который ты пытаешься компенсировать сентиментальностью и необходимостью самоконтроля. По твоей этой болезненной реакции на критику, стремлению быть самым лучшим, по жажде новых ощущений, гипертрофированной интеллектуальности и, конечно, трудоголизму. Тебе куда важнее то, как тебя воспринимают и оценивают, а не то, что происходит внутри тебя. Ты страдаешь от соперничества и зависти, – элементарное раздвоение. Ты либо гениальный, либо никчемный, а на самом деле ты хоть и уникальный, но очень бинарный, черно-белый. Тебе невероятно трудно согласиться быть середнячком, посредственностью. Ты жаждешь величия, могущества и возможности ни в чем себя не ограничивать.

– Приятно, – отозвался он, как только я закончила. – Ты знаешь многие мои слабости...

– Конечно, знаю, – я приложила его извечно забитую, особенно после усиленных тренировок, кисть руки выступающими венами к своим губам. – Именно поэтому я здесь.

– Ты только поаккуратнее, ладно? – заговорил он, нежно взяв меня за подбородок и повернув к себе. – Обожание может смениться любовью, а я ненавижу влюбляться. Сразу становлюсь полным идиотом. С одной стороны – летаю как на крыльях, с другой – делаюсь таким уязвимым. Я гораздо больше себе нравлюсь, когда не влюблен, – циничный, острый на слово, собранный, критично мыслящий...

– Это все потому, что любовь – эмоция, практически не связанная с разумом. И тут ничего и никогда невозможно предсказать, – я снова прикоснулась губами к его руке. – Этим можно лишь вдоволь насладиться.

– Не лишено смысла... – он улыбнулся куда-то вглубь себя. – Хотя смысл можно найти в чем угодно, если знаешь, зачем искать.

– Вот видишь, – я ответила той же улыбкой, – время от времени даже мысли и женщины приходят вместе.

– Главное, что вообще приходят...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.